

современный любовный роман

Николина Кум

ТРЕУГОЛЬНИКИ.
ЛОЖЬ МЕЖДУ НАМИ

"ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ИЛИ АКТ ДРУЖБЫ?"

Николина Ким
Треугольники.
Ложь между нами.

<https://litres.ru/74596307>

Аннотация

Ложь — способна забрать у тебя все. Виктория И Игнат были лучшими друзьями и не имели права переходить черту. Все вышло из под контроля. Один поцелуй и череда лжи превратила дружбу и любовь в ненависть. Спустя два года они снова встретятся. И на этот раз все будет по другому...

Содержание

Пролог.	4
1 глава.	13
2 глава.	27
3 глава.	39
4 глава.	51
5 глава.	63
6 глава.	77
7 глава.	98
8 глава.	113
9 глава.	127
10 глава.	147
11 глава.	174
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Пролог.

Треугольники.

Книга 1.

Пролог.

Виктория.

Легкий стук по дверному косяку заставляет меня обернуться.

Вероника, женщина которую я знаю больше 10 лет, медленно заходит в ванную комнату. У нее болезненный вид: мешки под глазами, неестественная бледность... Я позволяю боли отразиться на лице, но только на мгновение.

– Уже иду...минутку, – сглотнув ком в горле, говорю я, стараясь улыбаться.

Эти попытки делать вид, что все хорошо, выглядят слишком жалко. Пальцами хватаюсь за мраморную раковину, потому что мои ноги неожиданно становятся ватными. Вероника останавливается за моей спиной. Я поднимаю глаза. Мгновение мы смотрим друг на друга через зеркало.

Ника улыбается, в отличие от меня искренне, и с материнской нежностью кладет руки на мои плечи. Она всего на пол головы выше. Светлые волосы собраны, красивое лицо не портит даже болезнь, а вот глаза выглядят слишком уж

устало. Но даже несмотря на это, в зрачках горит мой любимый блеск, как будто она не взрослая женщина, имеющая трех сыновей, а озорной взбалмошный подросток.

– Что я тебе говорила? – с напускной серьезностью говорит Ника, мягко сжимая мои плечи.

Ухмыляюсь, игнорируя предательский блеск в глазах.

– Никаких слез... – дрогнувшим голосом, шепчу я.

– О, милая, – Ника вздыхает, и морщинки вокруг глаз выдают ее возраст. – Жизнь не справедливая штука, и, к сожалению, никто из нас не знает, какая участь его ждет.

Она секунду молчит, потом тихо добавляет:

– Мне не помогут твои слезы. Они только делают еще больней.

Верно.

Я не должна ей показывать свою боль, но и делать вид, что все нормально, тоже не получается. Однако я обещала.

– Я просто не готова прощаться. – говорю часть правды.

– Мне жаль, что из-за моей болезни ты расстанешься со своими друзьями. – с глубоким вздохом отвечает Вероника.

Быстро разворачиваюсь, сжимаю ее руку на своем плече и заглядываю в глаза.

– Я не это имела ввиду! – начинаю оправдываться.

– Знаю, знаю... – перебивает меня женщина.

Вероника осторожно берет мою руку и поворачивает. Взгляд ее ярко-голубых глаз устремляется на татуировку, сделанную пару дней назад. На все еще покрасневшей коже

прорисованы два треугольника, черный и красный. Фигуры лежат друг на друге так, чтобы углы каждого из них не касались друг друга.

– Не то, что бы я одобряла... – начинает Вероника, поглаживая мое запястье.

– Твои сыновья меня заставили! – восклицаю я.

Мы переглядываемся и тихо смеемся.

– Моим сыновьям ужасно повезло, что у них есть такие друзья, как ты, Елена и Мария.

Глаза Вероники становятся серьезными, хоть голос мягок.

– Вы столько лет дружите и никогда не расставались... Поэтому я верю, что, даже не смотря на то что вы вынуждены попрощаться, вы сможете сохранить свою связь.

Глядя на Веронику, я проглатываю ком, образовавшийся в горле. Ее добрые глаза внимательно изучают меня.

– Не думай об этом. – уверенно говорю я. – Самое главное - это твое здоровье. Чем быстрее вы уедите, тем быстрее вернетесь, и ты будешь здорова. Это самое главное...

Я верю в свои слова. Верю сердцем, а разумом прекрасно осознаю, что с третьей стадий рака сложно оставаться оптимистом, особенно когда в России помочь уже не могут и приходится улетать в другую страну на лечение. Вероника же предпочитает смотреть правде в глаза. Она как будто готова к смерти...

– Так, давай собирайся, пока вы не опоздали. – влезает в мои мысли голос Ники.

Женщина целует меня в лоб и, не сказав больше ни слова, тихо покидает ванную комнату.

Я снова поворачиваюсь к зеркалу и, взяв себя в руки, улыбаюсь собственному отражению.

Чтобы не случилось дальше, у меня всегда останутся мои друзья. Мы - семья. Одно целое. И ничто не сможет этого изменить.

– Полторашка, освободи мою ванну! В этом доме их четыре, обязательно занимать именно мою! – кричит за дверью недовольный голос Артура.

подавляю в себе порыв закатить глаза и впускаю блондина внутрь.

– Эй, ну, ты, что опять ревешь? – глядя на мои красные глаза, спрашивает друг.

– Я просто сентиментальная. – удаётся мне выдавить из себя.

Мы встречаемся глазами, и он все понимает без слов.

– Вика, послушай...

Артур делает шаг вперед и теперь возвышается надомной в силу своего роста.

– Мы, уедем...но это ничего не изменит. Мы как были семьей, так и останемся. – уверенно говорит парень.

Артур - старший сын Вероники и по совместительству мой лучший друг с самого первого класса.

Теперь я уже улыбаюсь искренне и просто киваю на его слова.

– Давай иди. – Толкает он меня к двери. – Елена и Мария уже почти готовы, все ждут только тебя.

Киваю и покидаю ванную. Чувствую себя какой-то истеричкой. Сейчас все на взводе, но стараются держать себя в руках и не показывать своих истинных чувств.

Я нахожу девочек около огромного зеркала в холле. Они добавляют последние штрихи в свои образы.

Елена – брюнетка, и иногда мне кажется, что слово «стерва» придумали именно для нее. Мария – блондинка, и похожа на кукольного ангелочка. Я смотрю на их спины, и в голову приходит мысль, что они как «инь и янь», но это только внешне. Если узнать их поближе, то можно понять, что характер у них практически одинаковый.

Провожу рукой по своему платью и поправляю волосы. Уверенной походкой подхожу к своим девочкам. Бесцеремонно отодвинув подруг, встаю прямо по середине.

– Как ты? – обеспокоенно спрашивает Мария, рассматривая меня.

– Отлично. Когда выдвигаемся? – спокойно говорю я, разглядывая нас в зеркале.

Елена коситься на меня со злым прищуром, прекрасно считывая мое настроение. Подруга качает головой и пальцами рисует на своем лице улыбку, намекая, чтобы я последовала ее примеру.

– Мелкого дома запрем и поедим! – как можно громче говорит брюнетка и проводит красной помадой по своим гу-

бам.

Как только она произносит эти слова в слух, из-за угла появляется Марк. Он как будто поджидал, когда произнесут его имя. Подросток скрещивает руки на груди и с прищуром смотрит на нас.

Марк Зотов, младший брат Артура. Если он здесь, значит его близнец Игнат тоже сейчас появиться.

– Стерва. – злорадно ухмыляется Марк.

– Сопляк. – пародирует его Елена.

Мы с Марией переглядываемся, улыбаясь друг другу. К такому их общению уже все привыкли.

– Тебя отец зовет. – раздаётся голос, от которого я вся напрягаюсь как струна.

Игнат появляется в поле моего зрения через секунду. Он смотри на своего близнеца. Марк недовольно вздыхает и уходит. Сама не замечаю, как устремляю глаза в пол.

– Красивое платье. – говорит парень подходя ко мне ближе.

Девочки, как по договоренности, отходят в сторону, делая вид что увлечены разговором.

Вот же...

– Спасибо. – смущенно отвечаю я, даже не глядя на него.

– Молнию не застегнула... – тихо говорит Игнат и заходит мне за спину.

Он осторожно убирает мои волосы в сторону и помогает с замком на спине.

Я бесшумного втягиваю воздух через нос, стараясь игнорировать стаю мурашек, пробегающих по коже.

– Сейчас отцу поможем и можем ехать – оповещает меня друг, отходя в сторону.

Дождавшись от меня кивка, Игнат удаляется.

– Это становится проблемой – усмехается Елена, наблюдая, как я провожаю парня взглядом.

У меня краснеют щеки. Хочется провалиться сквозь землю.

– Отстань. – отмахиваюсь от брюнетки, стараясь усмирить беспорядочные удары собственного сердца.

Мы с девочками усаживаемся на диван и в тишине наблюдаем, как в доме Зотовых несколько рабочих закрывают мебель специальной тканью. От этого зрелища щемит в груди.

– Ты собираешься сказать парням, что тебе предложение сделали? – нарушает тишину Мария.

– Нет! – резко отвечаю я, от чего подруги непонимающе косятся в мою сторону.

– Им сейчас о маме нужно думать, да и тем более...

– Ты откажешь своему «женишку». – заканчивает за меня Елена, когда я замолкаю пытаюсь подобрать слова.

– С чего ты так решила? – невозмутимо спрашиваю я, хотя сама хотела ответить точно также.

Смотреть на рабочих становится невыносимо, поэтому я кладу голову на плечо Марии, прикрыв глаза.

– Ты встречаешься с Матвеем только из-за своей мамы,

и его ты совсем не любишь. — серьезным голосом говорит Елены, что ей в принципе не свойственно.

— А еще мы не слепые и прекрасно видим, что происходит между тобой и Игнатом... — добавляет Мария.

Как только она произносит его имя, мои глаза распахиваются, я подскакиваю с места. От этого резкого движения взгляды рабочих обращаются на меня, но Елена дает им знак возвращаться к своей работе.

— А что происходит?! Ничего не происходит! — неправдоподобно тараторю я, получая от подруг снисходительные взгляды.

— Ну, конечно! — фыркает Елена, а я подавляю в себе желание кинуть в нее чем-то тяжелым.

— Вик, мы не осуждаем...

Мой пульс учащается, я не даю Марии закончить свою фразу.

— Вы с ума что ли сошли?! Ему же еще даже 17 нет... Да я его на 6 лет старше! — эмоционально шепчу я подругам, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Мария и Елена лишь переглядываются, посылая мне сочувственные взгляды. Тем не менее в следующий момент я подумываю о том, что могу сколько угодно обманывать саму себя, но вот этих двоих мне обмануть не удастся.

— В любом случае... не выходи за Матвея... — говорит мне Мария и морщится, как будто даже упоминание имени моего почти что жениха вызывает у нее рвотные рефлексy. —

Он мне не нравится...

Мария не успевает закончить. Из коридора появляются Зотовы.

– Ну, что, девочки, готовы к прощальной вечеринке? – громко заявляет Марк, привлекая наше внимание.

Мы все переглядываемся между собой и улыбаемся друг другу.

Завтра парни со своими родителями улетаю́т в Израиль заниматься лечением Вероники. Я не знаю, когда они вернуться, как часто мы сможем общаться...

Но я знаю одно: что бы не случилось, мы всегда будем вместе.

А что будет дальше, покажет лишь время.

*P.S. Дорогие читатели! Пожалуйста не забывайте на-
жать на звёздочку при прочтении и добавить книгу в библиотечку. Для вас это секунда делов, а для меня бешеная мотивация и продвижение книги в рейтинге ##*

1 глава.

1 глава.

2 года спустя.

Виктория.

Болезненные толчки. Резкие вдохи.

Я прикусываю губу настолько сильно, что чувствую металлический привкус крови во рту, но это помогает сдержать крик. Слезы туманят зрение, и я вижу лишь размытый силуэт. Мне тяжело дышать от веса, мужского тела на мне. Я закрываю глаза, считая про себя.

«Еще немного...»

Когда Матвей заканчивает, я остаюсь лежать на диване не в силах пошевелиться. Облизываю пересохшие губы и делаю глубокий вдох.

– Принеси мне воды. – говорит Матвей, как ни в чем не бывало.

Я не отвечаю. Беру себя в руки и осторожно встаю. Тепло ломит, а ноги не слушаются. Поправляю на себе то, что осталось от моей пижамы, делая осторожные шаги в сторону кухни.

– Быстрее можно?! – недовольно восклицает мой муж, на-

девая штаны.

Подхожу к раковине, включаю холодную воду. Первым делом набираю жидкость в ладони и умываю лицо. Становится легче.

Отдаю Матвею стакан, опустив глаза в пол.

– Пойду... в ... душ... – сообщаю я, сопровождая каждое слово глубоким вздохом.

Муж недовольно цокает и хватает меня за запястье, вынуждая посмотреть на него.

– Перестань разводить драму! Поругались, помирились. – раздраженно восклицает Матвей.

– Ты взял меня силой! – выпаливаю я, не сдержавшись.

Матвей ухмыляется, от его вида меня прошибает холодный пот.

– Ты моя жена. Я буду делать с тобой все, что захочу.

«Я тебя ненавижу!» – кричит голос в моей голове.

Не получив от меня ответа, Матвей поднимается на ноги, осторожно обхватывает мое лицо ладонями, заглядывая в глаза.

– Ты же знаешь, что я не могу себя контролировать, когда мы ругаемся. Давай забудем?

Каждый вдох даётся с большим трудом. Я задыхаюсь от обиды и отчаянья.

– Хорошо... – выдавливаю из себя дрожащим голосом.

Матвей целует меня, тут же переключая внимание на включённый телевизор. Я игнорирую запах перегара и рвот-

ные рефлексy, которые он вызывает. Убедившись, что мое присутствие больше не обязательно, я быстрыми шагами иду на второй этаж прямиком в ванную и закрываюсь на замок. Как только за мной закрывается дверь, я прислоняюсь к ней, сползая на пол. Самоконтроль окончательно покидает меня. Поджимаю под себя ноги, роняю голову на колени. Слезy текут по лицу ручьями.

Даже не знаю, сколько проходит времени прежде, чем я нахожу силы подняться. Резкими движениями стягиваю с себя остатки пижамы, швыряя ее в самый дальний угол ванной комнаты.

Стоя под прохладной водой, я с каким-то яростным рвением тру тело мочалкой, как будто хочу снять с себя кожу. Слезy обжигают глаза, но я запрещаю себе снова плакать.

«Все закончилось, закончилось»

Сажусь за туалетный столик, обернутая в полотенце, наконец-то смотрю на свое отражение. Опухшие глаза, покусанные губы. Радует, что лицо осталось не тронутым, все остальное я могу закрыть одеждой. Зарываюсь пальцами в волосы, нащупывая небольшую шишку и морщусь от боли.

«Ничего страшного не произошло. Сама виновата. Надо было вовремя заткнуться»

От этих мыслей начинаю смеяться каким-то не правильным смехом, будто плачу, но без слез. Мне противно от самой себя. В кого я превратилась... В кого *он* меня превратил?

Бросаю мимолетный взгляд на собственное запястье, и

внутри будто затягивается невидимая петля. Провожу пальцами по черным и красным линиям.

Моя татуировка как вечное напоминание, что когда-то я была по-настоящему счастлива. Я любила, меня любили в ответ. А потом всё пропало. Исчезло, будто и не было никогда.

Сколько времени прошло?

2 года...

Внутри меня все кипит, кричит, я чувствую такую боль, какую даже Матвей мне никогда не причинял.

2 года я делаю вид, что у меня всё хорошо. 2 года пытаюсь забыть самых близких мне людей.

Одна мысль приходит мне в голову, я цепляюсь за нее как за глоток свежего воздуха, который мне просто необходим. Дальше все происходит на автопилоте. Я совсем не отдаю отчет своим действиям. Наспех одеваю первые попавшиеся вещи, завязываю волосы в пучок. Мне не важно, как я выгляжу. Ничего сейчас не имеет значения. В шкафу под грудой вещей достаю свой старый телефон. Примерно полтора года назад я его засунула туда и больше не трогала. Проверяю зарядку, сбегая вниз по лестнице. Матвей спит на диване так крепко, что храп разносится по всему дому. Тошнотворный запах алкоголя сгущает воздух в этом доме, делая его еще более невыносимым для меня. Со стола забираю недопитую бутылку виски и вызываю такси.

Прохладный ночной ветер обдувает лицо и немного воз-

вращает в реальность. Здравый смысл во мне наконец-то просыпается и вопит, чтобы я возвращалась домой.

«Домой...»,

Это место так и не стало моим домом. Там клетка. Моя добровольная тюрьма.

Подъезжает такси, я быстро сажусь на переднее сиденье, пока не успела передумать. Как только машина трогается с места, еще одна мысль посещает меня:

«Если мой ненаглядный муж проснется и поймет, что меня нет дома, нового скандала мне не избежать, тогда уж точно пострадает мое лицо.»

От этой мысли снова начинаю смеяться. Делаю большой глоток виски и морщусь, когда алкоголь обжигает горло. Зажимаю бутылку между ног, а сама большим пальцем глажу татуировку. Это действие почему-то успокаивает.

– У вас необычная татуировка. – слышу голос таксиста, про которого я совсем забыла.

Водителю лет 50, он бросает в мою сторону обеспокоенные взгляды. Еще один глоток, я наконец-то чувствую туманную легкость во всем теле.

– Это в честь друзей... – зачем-то объясняю я.

Черный треугольник – это парни. Красный – девушки. Каждый угол символизирует одного из нас. Мы набили эти татуировки в день, когда узнали, что нам придется расстаться... на время. Что бы никогда не забывать о нашей связи.

– Очень символично. – раздаётся голос водителя, и я по-

нимаю, что озвучила свои мысли в слух. – Ты едешь к своим друзьям?

Оттягиваю кофту, пряча татуировку. Прикрываю глаза, и огромная слеза медленно скатывается по щеке.

– Мы больше не общаемся... Уже 2 года... – отзываюсь я, вытирая лицо рукавом.

– Почему? – спокойно спрашивает водитель, не отрывая взгляда от дороги.

В этот раз я делаю глоток намного больше предыдущих и разворачиваюсь корпусом к мужчине.

Открыть душу перед совершенно незнаком человеком? А почему собственно нет...

– Трое парней, про которых я сказала... они братья. Я со-
вратила одного из них, и меня возненавидели, потому что он
несовершеннолетний... был несовершеннолетним.

Я улыбаюсь, довольно наблюдая за реакции водителя. Он
бросает на меня удивленный взгляд и, встретившись с выра-
жением моего лица, нервно посмеивается.

– Хорошая шутка. – выдыхает мужчина.

Шутка... Ох, если бы...

Водитель кажется мечется между желанием высадить ме-
ня посреди трассы или завалить новыми вопросами. Я отво-
рачиваюсь от него, делаю сразу три глотка. Алкоголь уже не
обжигает... черт, надо было взять еще.

– Ты уверена, что тебе надо именно сюда? Здесь один
сплошной лес. – спрашивает таксист, ерзая на своем месте.

— Это мой дом. — спокойно отвечаю я.

Машина останавливается там, где заканчивается асфальт. В ночной тьме еле заметен силуэт одноэтажного дома, поглощённый лесом. Я расплачиваюсь и ухожу под неодобрительный взгляд мужчины.

Когда мне исполнилось 18, семья Зотовых купила этот участок. Он огромен, здесь с легкостью можно вместить целый торговый центр. Вероника всегда говорила, что когда-нибудь ее дети вырастут и построят на этом участке свое семейное гнездо. Но пока этого не случилось, здесь только лесная чаща и небольшой одноэтажный дом. Ну как небольшой... в нем с легкостью могут поместиться примерно два дома Матвея.

Я ставлю бутылку на крыльцо, осторожно взбираюсь на деревянные перила. У меня кружиться голова, а тело норовит свалиться прямо вниз, но я все равно встаю на носочки и тянусь к нужной перекладине. Мне не хватает роста, поэтому ключ приходится искать пальцами.

«Бинго!»

Довольная я спрыгиваю с перил и, не забыв прихватить бутылку, открываю дверь.

Нащупываю выключатель, морщусь, когда свет бьет по глазам. Внутри пусто, пахнет пылью. Мебель закрыта белой тканью в ожидании своих хозяев. Мне совершенно не нравится это зрелище. Этот дом не должен так выглядеть. Здесь мы встречали почти все совместные праздники, сюда прихо-

дили, чтобы просто сбежать от реального мира и побыть с любимыми людьми.

Подаясь порыву и снимаю все тряпки с мебели, открываю окно, запуская в дом свежий прохладный воздух.

Так-то лучше.

Я улыбаюсь, внутри растекается что-то теплое родное...

Сажусь в кресло, уже не понимая, что делать дальше. Мне нельзя здесь быть, но Зотовы так и не вернулись, так что...

«Это первый раз за 2 года...и последний» - обещаю сама себе.

Руки тянуться к карманам кожаной куртки, я достую свой старый телефон. Он включается с характерным звуком. Чтобы настроить устройство, требуется несколько минут. И вот на меня обрушивается шквал непрочитанных сообщений и не принятых звонков. Игнорирую все, заходя в нужный чат.

Читаю последнее сообщение:

Елена: «Прости меня. Мне правда очень жаль, что все так вышло. Никогда не думала, что опущусь до такого... Я хочу уехать, побыть в одиночестве и разобраться в себе. Надеюсь ты поймешь меня. Я вернусь.»

Печатаю ответ:

«2 года - это слишком много. Ты нужна мне, возвращайся.»

Подумав, добавляю:

«Пожалуйста»

Закрываю чат и перехожу в другой.

Мария: « Я не могу найти в себе силы рассказать тебе правду... Пожалуйста, не злись на меня, но Елена права. Нам нужно взять перерыв. Завтра я уезжаю. Просто... не ненавидь меня.»

Я не могу отправить ответ, так как Маша заблокировала меня после этого письма.

Два этих сообщения были отправлены мне на следующий день после отлета семьи Зотовых. Больше мы не виделись.

Уже хочу закрыть приложение и выключить телефон, но внимание привлекает сообщение из нашего общего чата.

Крик вырывается из меня прежде, чем я успеваю проглотить его, и звоном отдаётся в ушах. Внутри меня каждый орган покрывается льдом. Руки трясутся как в лихорадке. Я пялюсь в телефон, вчитываясь в предложение. Всего 2 слова. А у меня такое чувство, что мир рухнул, взорвался на атомы.

Игнат: «Мама умерла»

Он отправил его полгода назад. Эти слова так и остались непрочитанные до сегодняшнего дня. По моим щекам градом текут слезы.

Нет... Нет... Нет...

Она умерла полгода назад, а я об этом даже не знала.

Дрожащими руками захожу в галерею, нахожу одну фотографию. На снимке нас четверо: я, Елена и Мария обнимаем Нику. Я так сильно любила эту женщину и даже не знал о том, что ее больше нет. Помню, как в детстве стоило мне упасть, она жалела меня лучше родной матери. Помню, как

со всеми проблемами я приходила к ней. Она дарила мне свою заботу, любовь, ласку.

А теперь ее нет...

Слезы огромными бусинами падают на экран мобильного. Трясущимися руками беру бутылку, осушая ее до дна одним глотком.

Я должна позвонить им, должна сделать хоть что-то...

Разум затуманенный алкоголем, отказывается нормально работать. Я закрываю фотографию, снова возвращаясь к сообщениям, открываю личный диалог с Игнатом. Игнорирую кучу непрочитанных сообщений, останавливаясь на последнем, голосовом. Оно тоже было отправлено полгода назад. Руки не слушаются, а экран мокрый от моих слёз. Всё-таки, кое как, я включаю голосовое сообщение.

Игнат: «Ты нужна мне... Вики... прошу ответь»

Я уже не могу прекратить свою истерику. Не понимаю то ли кричу, то ли всхлипываю. Поток слез просто неконтролируемый. Во мне загорается новое чувство. Чувство презрения к самой себе.

У него умерла мама, и он хотел поговорить со мной, а я... Я даже не знала об этом! Нажимаю на звонок.

Нельзя, но я все равно это делаю.

Пусть ответит... пожалуйста пусть ответит.

На втором гудке он поднимает трубку

– ... Вики?! – раздается удивленный шепот на другом конце провода.

Его голос изменился со временем, стал более взрослым. Я молчу, стараюсь даже не дышать.

Хочется так много сказать...

Нельзя.

Идиотка, зачем я это сделала?

Подавшись непонятному порыву, со всей силы швыряю телефон в ближайшую стену. Он с треском разбивается, как и моё сердце в этот момент.

Мне противно.

Столько времени я жалела саму себя, думала: почему со мной такое случилось? Чем я все это заслужила?

Эгоистка.

Моим друзьям было тоже плохо. Они тоже страдали.

Раньше мы всегда решали все вместе. Объединялись против любой беды. Что же поменялось? Стоило братьям уехать, и наша дружба тут же разрушилась.

Мне хотелось услышать голос Игната. Я это сделала, снова проявив свой эгоизм.

Нельзя.

Мне нельзя с ним разговаривать.

Я сотрясаюсь от нового прилива слез. Достāju из заднего кармана джинсов свой новый телефон и захожу в галерею. В самом конце альбома со скриншотами нахожу нужное изображение – снимок сообщения, которое мне пришло от Артура, в день отлёта братьев.

«Я видел вас с Игнатом возле клуба. Моему брату всего

16, ты сама должна понимать что между вами ничего не может быть. Я поговорил с родителями и мы приняли решение. Пожалуйста забудь об Игнате и живи своей жизнью. Так будет лучше для всех.»

Дочитав последние строчки, запускаю пальцы себе в волосы. Я специально сохранила скриншот, что бы периодически напоминать себе:

«Мне нельзя появляться в их жизни.»

Это сообщение перевернуло мой мир. Артур всегда был для меня старшим братом. Примером для подражания. На него хотелось равняться. Он никогда меня не осуждал... до той ночи.

Но после моего поступка даже он от меня отвернулся. Не могу его винить, я действительно... поступила не правильно.

Не знаю, сколько я сижу в этом кресле. Меня трясет то ли от холода, то ли от слез. В конце концов выпитый виски дает о себе знать. Тело становится ватным, мозг полностью отключается. Я сворачиваюсь калачиком на сиденье и обхватываю себя руками. Сознание начинает проваливаться, и все заполняет тьма.

В этой тьме холодно и одиноко.

До тех пор пока я не чувствую легкое прикосновение к своей щеке. Кто-то гладит меня нежными пальцами. Приложив все свои усилия, открываю глаза. Передо мной на корточках сидит парень. Он смотрит на меня с примесью нежности и всепоглощающей тоски.

Кажется, я все-таки рехнулась, а может мне снится сон?
Передо мной сидит Игнат.

Он выглядит не так, как я его запомнила, старше...

Какое правдоподобное ведение.

– Ты пришел спасти меня? – говорит кто-то, кажется, я.

Игнат смотрит на меня с легкой улыбкой, все еще поглаживая по лицу. Его руки такие теплые, что я пытаюсь прижаться к нему сильнее.

– Я отвезу тебя домой – говорит видение.

Он берет меня на руки так легко, словно я перышко. Утыкаюсь носом в его шею, мотая головой.

– Я хочу быть здесь...

Кажется, он что-то говорит, но я ничего не могу разобрать. Мозг всё ещё отказывается работать. Мне удастся прийти в себя, только когда меня опускают на что-то мягкое. Я больше не чувствую тепло Игната, от этого становится так тоскливо. Пытаюсь понять, что происходит, но глаза упорно отказываются быть открытыми. Сквозь ресницы вижу, что он стоит рядом, кажется разговаривает с кем-то по телефону. Тяну к нему руку, и он тут же опускается, переплетает наши пальцы. Я снова вижу его лицо, теперь уже в полутьме. Мы находимся там, где темно.

Не знаю, что это – сон, видение?

Я не хочу, чтобы это прекращалось. Раз уж все происходит только в моей голове, решаюсь поддаться желанию. Осторожно дотрагиваюсь до лица Игната ладонью.

Такой теплый.

Он смотрит на меня кажется целую вечность. Медленно поворачивает лицо, касаясь губами моей вытянутой руки.

Наверно, я всё-таки умерла и попала в рай.

Мне так хорошо, так спокойно, как не было очень давно.

– Не оставляй меня, пожалуйста. Я так по тебе скучала. – мой голос звучит как, жалкая мольба.

Веки тяжелеют, всё начинает плыть перед глазами. И только, когда я слышу его тихое: «Не оставляю», позволяю себе провалиться в глубокий сон.

2 глава.

2 глава.

Игнат.

Понятия не имею, как я здесь оказался, но стою прямо перед новым домом Виктории.

Поправка.

Перед домом ее мужа, с которым она уже 2 года как счастлива в браке.

Достою пачку сигарет, быстро прикуривая. Никотин не приносит мне никого удовольствия и мысли в порядок привести тоже не помогает. Прислоняюсь бедром к капоту своей машины, наблюдая за окнами чужого дома. Чувствую себя каким-то больным маньяком, но все равно продолжаю стоять на месте.

Я знаю Вику лет с десяти. Она, Елена и Мария были лучшими подругами моего старшего брата. Со временем мы все стали как одна семья... Точнее я так думал. Вика предала меня, моих братьев, а самое главное маму. И последнее место, где я сейчас должен быть, это здесь.

Выпускаю серое облачко дыма и немного подаюсь вперед, чтобы лучше видеть. Виктория сидит за кухонным столом, что-то активно пишет, кажется готовиться к работе. Мы не

виделись целых 2 года, но она ни капельки не изменилась. Все такая же...

Провожу руками по лицу и выкидываю окурок. Наконец решаюсь на то, зачем пришел изначально. Я просто хочу посмотреть ей в глаза. Спросить какого хрена она так с нами поступила. Это не принесет мне облегчения, не повернет время вспять и не смягчит ее предательство. Однако мне нужно это. Но прежде, чем я успеваю податься вперед, рядом с Викой появляется мужская фигура.

Матвей.

Само его существование приводит в бешенство.

Я хорошо запомнил Матвея еще с момента, когда Вика только начинала с ним встречаться, хотя лично мы не знакомы. Подавив горечь в горле, я позволяю себе наблюдать за взаимоотношениями мужа и жены.

Вот я и получил ответы на все свои вопросы. Вика захотела быть с ним. Хотела начать жизнь с чистого листа, оставив нас в прошлом. Я это и так знал, и все-таки видеть их вместе... неприятно.

У меня внутри все каменеет, приходится заставить себя отвести взгляд от семейной идиллии.

К черту все это! Меня тут недолжно было быть изначально.

Моя семья вернулась в город меньше трех дней назад, все это время я отговаривал себя от порыва поехать к Виктории. А сегодня даже сам не понял, как оказался перед ее окнами.

Взяв себя в руки, забираюсь на водительское сиденье и с характерным звуком уезжаю отсюда, как можно дальше.

Дорога до собственного дома, занимает не больше полу-часа. Этого времени мне хватает, чтобы совладать с эмоциями и стараться сохранить хотя бы внешнюю невозмутимость.

Ненавижу эту слабость в себе. Слабость к Вики. Прошло два года, а я все так же зависим от этой женщины, как и тогда.

С этими мыслями сам не замечаю, как вхожу к себе домой. Первое, что бросается в глаза – пустота. Нет, я не про отсутствие мебели, тут все осталось нетронутым. Таким, каким мы оставили, когда уезжали. Дом огромный и одинокий. Без мамы все не то... Наверно поэтому мы с отцом и братьями не могли сюда вернуться целых полгода.

– Как все прошло? – голос Артура врывается в мои мысли.

Понимаю, что замер в дверном проходе. Старший брат сидит на диване в зале, уткнувшись в ноутбук. Он не поднимает на меня взгляд, что-то усердно печатая. Рядом с ним лежит Марк, залипая в телефоне. Я подхожу к братьям, привлекая их внимание. Артур вопросительно смотрит на меня, ожидая ответа на свой вопрос. Сначала я даже думаю, что он спрашивает о Виктории и моей дурацкой затее поехать к ней, но вовремя вспоминаю, что он об этом даже не знает.

– Не так хорошо, как мне бы хотелось.

Я устало вздыхаю и признаюсь:

– Илья понял, что этот клуб мне очень нужен и цену загнул в два раза больше.

Артур слегка хмуриться, обдумывая варианты. Мой близнец бросает на нас заинтересованные взгляды, ожидая, что мы предпримем дальше.

– Давай я с ним встречусь? – предлагает старший брат.

Скрещиваю руки на груди, уверенно глядя на Артура. Его желание решить все мои проблемы вызывает улыбку. Я знаю, чтобы не случилось братья всегда поддержат, однако пора мне самому брать ответственность за свои решения.

– Нет. – говорю я. – Моя вина, что я не смог снизить цену. Значит заплачу столько, сколько просит владельцы.

Артур кивает, как будто ожидал от меня именно этого ответа.

– Этот ночной клуб не стоит таких денег. – закрывая ноутбук, обреченно вздыхает старший брат.

Марк тихо смеётся себе под нос, обращая наше внимание на себя.

– Разве не ясно, что наш брат заплатит все деньги мира, чтобы купить клуб, где видел свою ненаглядную в последний раз. – ехидно говорит мой близнец.

Закатываю глаза, кидая Марку в лицо декоративную подушку. Он легко отмахивается от нее и гортанно смеётся, получив от меня реакцию.

Как бы мне не хотелось признаваться, но близнец прав.

Два года назад за день до нашего отлета мы вшестером решили отметить свою прощальную вечеринку в ночном клубе «Бермуды». Планировали хорошо провести время перед

разлукой, а потом встретиться в аэропорту. Все так и случилось, за исключением последней детали. В аэропорт нас так никто проводить не пришел.

– Во-первых, этот клуб - самый популярный в нашем городе. Во-вторых, иди к черту! – я сжимаю губы, показывая Марку средний палец.

Артур наблюдает за нашим общением и, кажется, борется с желанием закатить глаза. Он тяжело вздыхает прежде чем произнести:

– Ты не передумашь?

Мы встречаемся глазами, мне даже не нужно отвечать, чтобы старший брат понял, что ответ будет отрицательным.

– Я горжусь тобой. – Артур встает со своего места и сжимает мое плечо – Немногие в свои восемнадцать могут принимать такие решения. Завтра я решу вопрос с деньгами.

Я благодарно киваю, мысленно обещая себе, что это последний раз, когда я беру деньги у старшего брата.

– Интересный ты человек, братец. – Марк смотрит на меня и задумчиво постукивает указательным пальцем по подбородку. – Сегодня ночной клуб покупаешь, а утром на школьную линейку попрешься.

Я усмехаюсь, а Артур кривиться, бросая на Марка испепеляющий взгляд.

– Даже не смотри на меня! – тут же откликается мой близнец, поднимая руки – Можешь мной не гордиться, но я пока не нашел свое призвание в жизни, так что продолжу тратить

ваши с отцом честно заработанные деньги!

Старший брат обреченно закатывает глаза и шипит себе под нос: «как вы мне все надоели». Марк довольный собой закидывает руки за голову, с дурацкой улыбкой рассматривая нас.

Неспокойные мысли наконец покидают меня. С братьями я чувствую себя «в своей тарелке», хотя мы все разные.

Артур – это пример для подражания. Старший ребенок, принявший на себя заботу о нас. Он обдумывает каждое своё действие, заглядывая на десять шагов вперед. Для него самое главное – это благополучие его близких.

Марк не думает – он действует. Живет сегодняшнем днем, совсем не думая о будущем. Он безрассуден и непостоянен. С ним никогда нельзя быть уверенным в том, какое действие он предпримет дальше.

Я – золотая середина. Могу думать наперед или же действовать по зову эмоций. Мне не хватает самоконтроля Артура, но я не такой взрывоопасный, как Марк. Баланс.

Мы такие разные и при этом идеально дополняем друг друга.

– А где отец? – спихивая ноги Марк с дивана, спрашиваю я.

Сажусь на освободившееся место, разглядывая братьев, которые лишь разводят руки в стороны. Им не нужно отвечать, чтобы я понял. С того самого дня, как мы вернулись в свой родной дом, отец почти не выходит из спальни. Он так

и не смог смириться со смертью мамы. Весь бизнес отец передал Артуру, изредка помогая ему советами. Нам повезло, что старшему брату оказалось под силу взять на себя такую ответственность, иначе мы могли потерять все...

– Надо заказать еду, заставить его поесть – говорю я, хотя они и сами это знают .

Дальше мы погружаемся в домашнюю рутину. Артур увязает в работе, а мы с Марком заказываем еду.

Время близиться к полуночи, когда старший брат без стука входит в мою комнату. Я и Марк стоим на балконе, курим. Вид Артура сразу привлекает наше внимание. Он растерян, обескуражен... удивлен? В руке зажат телефон с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Успеваю обменяться с близнецом вопросительными взглядами, прежде чем подойти к Артуру, который замер посередине моей комнаты.

– Что случилось? – обеспокоенно спрашивает Марк.

Артур хмуриться, устремляя на меня тяжелый изучающий взгляд, как будто принимает какое-то сложное решение.

– Да в чем дело? – не выдерживаю я.

– Вы же знаете, что перед отъездом я установил в загородном доме охранную систему? – наконец отвечает Артур.

Я киваю и наблюдаю, как Артур с тяжелым вздохом снимает блокировку со своего телефона. Брат протягивает мне гаджет, тут же беру его в руки.

На экране запись с камер видеонаблюдения из нашего загородного дома, работающих в онлайн режиме.

Мой пульс тяжело стучит в ушах, желудок сжимается.

Вика...

Она в доме. Я растерянно смотрю на ее действия через телефон. Она с каким-то диким рвением сдирает ткань с мебели, как будто это зрелище приносит ей боль.

Мои мышцы напрягаются. Бросаю взгляд на братьев, которые стоят рядом со мной и тоже пялятся в экран ничего не понимая.

Конечно, Вика знает, где лежат ключи от загородного дома. У нее так же есть ключи и от этого дома, если она от них не избавилась, конечно. Но видеть ее там, учитывая, что пару часов назад она была в компании своего мужа...

Я возвращаю взгляд на экран. Сейчас мне удаётся разглядеть Вику намного лучше, чем, когда я был у ее дома. Она заплаканная и кажется...пьяная?! Бутылка виски тому подтверждение.

Что за черт?!

Виктория садиться в кресло, доставая из кармана куртки телефон. Мне кажется или это именно тот мобильник, который у нее был раньше? Мы с братьями не отрываясь наблюдаем за каждым ее движением. Она кажется печальной и подавленной, печатая что-то на своем гаджете. А потом...

Ее тело сотрясается от рыданий...

– Какого хрена? – шипит за моей спиной Марк.

Я игнорирую его реплику, не отрываясь от экрана. Не знаю, что там происходит, но следующее, что мы видим, как

Виктория прислоняет телефон к уху.

Мой собственный мобильник издает звук, и я понимаю, что она, черт возьми, звонит мне. Впервые за два года...

Хватаю телефон, сразу же отвечая.

– ...Вики – срывается у меня не произвольно.

Но Виктория молчит. Не проходит и пяти гребаных секунд, как она швыряет свой телефон об стену!

К черту!

Я пихаю Артуру его мобильник, не раздумывая, подхожу к столу, на котором лежат ключи от моей машины.

– Ты поедешь за ней... – говорит Марк утвердительно, наблюдая за моими действиями – После всего что она сделала? Точнее *несделала*!

Я поворачиваюсь к близнецу, его хмурый взгляд встречается с моим. Марк злиться на Виду за то, что она... Да за многое. За то, что не пришла в аэропорт. За то, что молчала два года, игнорируя все наши попытки связаться с ней.

– Да. – отвечаю на выдохе.

Марк матерится себе под нос, на его лице написано раздражение.

– Мы с тобой. – отвечает близнец.

Чего и следовало ожидать. Как бы Марк не пытался показывать обиду, чтобы не думал по поводу Вики, она все равно останется для него семьей. А ради семьи мы готовы на все.

Близнец подаётся к выходу, но, на мое удивление, Артур его останавливает, схватив за плечо.

– Пусть едет один.

Глаза Артура сужаются. Он держит паузу, прежде чем снова заговорить.

– Так будет лучше.

Марк явно хочет возразить, однако не делает этого, а я уже не обращаю на них внимание, в спешке покидая комнату.

От нашего дома до загородного ехать около часа, но я преодолеваю это расстояние за тридцать минут.

Всю дорогу уверяю себя, что делаю это только ради прошлого, которое когда-то нас связывало. Но, как только я вижу ее спящую в позе эмбриона на малюсеньком кресле... Было легко думать, что я перерос свою детскую влюбленность, пока Вика находилось за тысячи километров от меня. Сейчас же, когда эта женщина рядом, все слова, в которых я себя убеждал, теряют смысл.

Сажусь на корточки, убирая волосы с её лица. Она спит. Чувствую влагу на бархатной коже. Ярость наполняет все мое существо. Хочется убить всех, кто заставил ее плакать. Хотя... Может она наконец пожалела о том, что отказалась от нас?

– Ты пришел спасти меня? – сонно спрашивает Виктория.

Улыбаюсь просто от звука ее голоса. Мои пальцы осторожно поглаживают ее щеку, я чувствую, как она пытается прижаться ко мне, как можно сильнее.

«Что же мне делать с тобой?»

Я не успеваю принять решения, потому что Вика медлен-

но сползает с кресла. Как она вообще может спать в таком положении?

Я беру ее на руки, не придумав ничего лучше, просто заносу в ближайшую спальню. В полутьме кладу Викторию на кровать, в этот момент мой телефон издает мелодию, оповещающая о звонке. Вика так крепко спит, что даже не реагирует на звук.

– Что будешь делать? – сразу спрашивает Артур, как только я принимаю вызов.

– Не знаю... – тихо произношу я.

Вика открывает глаза, сразу тянет ко мне руку, будто боится, что я исчезну. Снова сажусь перед ней на корточки, переплетая наши пальцы.

– Вези ее к нам. – коротко говорит брат и сразу сбрасывает.

Вика тянется свободной рукой к моему лицу.

Это сводит сума.

Я не особо отдаю отчет своим действиям, просто поворачиваю голову, касаясь губами ее теплой ладони.

– Не оставляй меня, пожалуйста. Я так по тебе скучала.

«Я тоже, Вики... я тоже.»

– Не оставляю...

После моих слов ее тело полностью расслабляется. Хочу снова взять Викторию на руки, чтобы отнести в свою машину, но она тянет меня на себя. От неожиданности, я валюсь прямо на Вику. Ей явно тяжело, а она даже не открывает

глаза. Перекатываюсь на соседнюю сторону кровати, и она тут же обнимает меня всеми частями тела. Я поглаживаю ее волосы, даю себе время, чтобы полностью насладиться этим моментом, а потом забрать ее и уехать, но сам не понимаю, как проваливаюсь в глубокий сон.

3 глава.

3 глава.

Виктория.

Как только я открываю глаза, то понимаю – алкоголь зло. Щемящая боль стискивает виски, содержимое желудка готово выйти наружу, а во рту пересохло, как в пустыне.

Больше никогда не буду пить.

Медленно изучаю комнату – кровать, шкаф, окно. Я помню эту спальню, но еще помню, что вчера уснула в зале. А потом...

Боже!

Подрываюсь на месте так стремительно, что перед глазами начинает кружиться пространство. Игнорирую все и мотаю головой в поиске Игната.

В комнате стоит мертвая тишина. Нет ни одного признака, что тут был кто-то ещё. Кровать, на которой я уснула, пуста. Осторожно встаю на ноги, еще раз осматриваю комнату. Взгляд задерживается на окне, через которое быют солнечные лучи. Неужели я так сильно напилась, что словила галлюцинации? Я ведь помню, что Игнат был здесь. Взял меня на руки, принес в эту спальню... Даже помню, как мы обнимались во сне...

— Идиотка! — вырывается у меня, и я зарываюсь пальцами в волосы от нового приступа головной боли.

— С этим сложно не согласиться. — слышится мужской голос за спиной.

Мое тело в этот момент превращается в стекло и готово треснуть в любую секунду. Как в замедленной съемки я оборачиваюсь.

Игнат...

Он изменился... Повзрослел. Стоит в проеме, скрестив руки на груди, прислоняясь плечом к дверному косяку. На его губах легкая усмешка, а волосы растрепаны после сна... Сна со мной... в одной кровати!

Позволяю себе рассмотреть его, и клянусь в этот момент я готова растечься лужицей прямо на деревянном полу. Последний раз мы виделись, когда Игнату было всего шестнадцать. Он, конечно, с детства был красивым, но все-таки подросток, а сейчас передо мной какой-то эталон мужской красоты. Высокий, широкоплечий, через плотную ткань белой футболки отчётливо прорисовываются линии мышц. Кажется, он все эти годы провел в качалке, потому что я не могу по-другому объяснить эту грудку мускулов. А его лицо... Да с таким лицом можно пожизненно сниматься для журнала «Vogue». Русая копна волос обрамляет квадратное лицо. Идеально прочерченные скулы такие, что кажется он может резать ими предметы. Пухлые губы, при виде которых Джоли бы позавидовала. И глаза, такие большие с длинными ресни-

цами. В них живет серебро, жидкое серебро. Никогда и ни у кого не встречала такого необычного оттенка. Даже у его брата близнеца глаза голубые.

Что же, внешность Игната и раньше была для меня проблемой, а сейчас эта гребаная катастрофа.

Чувствую, как краска молниеносно заливает все лицо, а пульс стучит где-то в горле.

В течении двух лет я мечтала об этом моменте. Представляла все возможные варианты нашего диалога. Как он кричит на меня за предательство. Как говорит, что ненавидит и давно забыл о моем существовании. Но на смену таким фантазиям всегда приходили другие. Там, где я умоляю его никогда не оставлять меня, раскаиваюсь за свои ошибки, а он прощает и остаётся со мной...

Сейчас, когда Игнат прямо передо мной, я просто стою и, как дура, пялюсь на него с открытым ртом.

– Так и будешь смотреть? – надменно спрашивает парень, не отрывая от меня взгляда.

У него так изменился голос. Стал намного глубже, мужественней.

За эти мысли хочется ударить саму себя. Наконец-то разум приказывает мне взять себя в руки и ответить ему.

– Я просто забыла, как ты выглядишь.

Это ложь. Наглая и неправдоподобная. Во-первых, потому что я, хоть и не собиралась, но все равно по какой-то причине говорю шёпотом. Во-вторых, его забыть у меня бы не

получилось и за двадцать лет.

На секунду в глазах Игната мелькает что-то болезненное, но он быстро прячет это, возвращая на лицо наглую ухмылку. Делает шаг в мою сторону, сокращая расстояние между нами. Я выставляю вперед руку в попытке остановить его. Игнат игнорирует это и подходит вплотную, так что моя ладонь упирается ему прямо в грудь. Наша разница в росте слишком нелепа. Я дышу ему куда-то в ключицу. Сердце стучит как ненормальное.

«Он так близко. Запретно близко.»

Игнат смотрит на меня немного нагнувшись. Мне же приходится запрокинуть голову вверх, чтобы наши глаза наконец встретились. Кажется, у меня случится приступ или в легких закончиться воздух. Я чувствую так много разных эмоций, что не могу зацепиться ни за одну конкретную.

Игнат больше не тот ребенок, которого я знала раньше, но... Чтобы не связывало меня с ним в прошлом, теперь это не имеет смысла. Прошло слишком много времени. Теперь мы лишь два незнакомца... знающие друг друга наизусть.

– А я вот не забыл... – откровенно говорит Игнат. – Хотел, но не смог.

Замираю на месте, будто ноги приросли к полу. Зотов ничего не делает, просто стоит рядом, смотрит своими глазами, от которых у меня внутренности сворачиваются. Моя рука на его груди сжимает ткань футболки. Я чувствую, как каждый мускул в теле Игната напрягается от этого движения.

Его глаза бегают по моему лицу, изучая.

– Увидел тебя вчера и подумал: вот она, моя Вики...

Игнат аккуратно убирает с моего лица прядь волос и, выдержав паузу, добавляет:

– Пришлось напомнить себе, что ты всего лишь предательница.

От неожиданности я моргаю несколько раз, переваривая услышанное. Так вот, кем он меня считает.

Мне не приходится отвечать на эти слова. В кармане куртки звенит мобильник. Отхожу от Игната и достаю телефон. Я готова расцеловать спасителя, который мне звонит, пока не вижу на дисплее надпись: «Мама».

Вот же чёрт!

– Виктория Александровна, вы понимаете, что линейка начнется через 40 минут?! Я что-то не наблюдаю вас на рабочем месте! – тон мамы звучит ужасно раздражённо, и раз она перешла на «вы», то все плохо.

– Мама, прости, пожалуйста! Я... я за держусь. – стараюсь контролировать свой тон, чтобы он звучал более-менее спокойно.

Мама молчит, я слышу гул учеников на заднем фоне. Бро-саю быстрый взгляд на Игната, который стоит рядом и скрестив руки на груди наблюдает за мной.

– Поторопись! – пренебрежительно кидает мама и вешает трубку.

Я жмурюсь, прижимая ко лбу телефон. Может это все

сон? Ужасный кошмар? Не может же на меня свалиться столько проблем разом? Но разум во мне кричит, что это все реальность, которую я создала сама. Итак, на повестке дня три проблемы. Первая - работа, про которую я благополучно забыла. Сегодня – первое сентября, и я уже, как полчаса, должна быть на линейке вместе со своим классом. Вот уже год, как я работаю в гимназии нашего города. Как бонус, моя мама является директором и непосредственно моим начальником. Она меня убьёт.

Вторая проблема - Матвей. Если он узнаёт, что я не ночевала дома, последствия будут ужасными. Хотя если он до сих пор не оборвал мне телефон, может ничего не знает, и мой побег остался незамеченным?

И третья, самая важная проблема – Зотовы. Они вернулись в город. И если Игнат со мной, то скорее все Артур об этом знает...

И все эти проблемы из-за того, что я не смогла вчера остаться дома! Что мне стоило поплакать у себя в комнате, как я это делала всегда, а не ехать в этот дом?!

При воспоминании о Зотовых в голову сразу приходит мысль, от которой снова хочется напиться и, желательно, никогда не просыпаться. Ника... Её больше нет.

– Эй, – привлекает внимание Игнат и осторожно кладёт руки на мои плечи. – Пошли со мной.

Зотов аккуратно подталкивает меня на выход из комнаты. Я не сопротивляюсь, просто потому что у меня нет сил ни на

что, и эта головная боль сводит с ума. Мы входим в зал, где я вчера напилась. На столе рядом с пустой бутылкой виски лежит небольшой пакет. Игнат подходит к нему, достаёт бутылку с водой и какое-то лекарство и протягивает мне.

– Это поможет от похмелья. – объясняет Игнат, встретившись с моим вопросительным взглядом.

– В аптеку съездил? – говорю я, запивая таблетку.

– Нет, Марк привёз. – объясняет Зотов.

От жажды я осушаю бутылку воды до дна и оглядываю дом в поиске другого Зотова.

– Он уже уехал. – тут же заявляет Игнат и натягивает на себя куртку. – Поехали, тебе тоже пора.

Я не особо понимаю, что именно он хочет сказать. То ли мне пора покинуть их дом, то ли он про работу. Хотя не важно. Игнат уже стоит возле двери, и я поспешно покидаю чужое жилище. Около дома припаркована чёрная ауди. Пока Игнат закрывает дверь на ключ, я стараюсь вызвать себе такси. Зотов за моей спиной недовольно цокает и, покачав головой, тянет меня к машине. Я никак не возражаю, спокойной наблюдаю, как Игнат подходит к автомобилю и открывает мне переднюю дверь. Не глядя ему в глаза, сажусь. У меня сейчас совершенно нет времени ни на что, а если буду ждать такси, то точно опоздаю. Этого мне делать никак нельзя, и это не потому, что я бы поехала с Игнатом, куда угодно. Конечно, нет...

– Улица... – начинаю я, наблюдая, как Зотов отъезжает от

загородного дома.

– Я знаю твой адрес. – обрывает меня Игнат.

Беззвучно захлопываю рот, не придумав подходящего ответа. Если он знает, где я живу, значит точно знает, с кем я живу. Хотя, чего удивляться? Когда есть деньги, а их у Зотовых до хрена, то и любая информация становится доступной. Прикрываю веки, полностью расслабившись на кожаном сиденье автомобиля. На удивление я не чувствую неловкость или чего-то подобного, хотя должна. Мне очень спокойно и хорошо.

– Спасибо, что приехал вчера. Извини за доставленные неудобства и за то, что пробралась в ваш дом. – не открывая глаз, говорю я.

Головная боль становится меньше, и приступ тошноты тоже отступает. И все благодаря тому, что Зотовы обо мне позаботились.

– Когда-то этот дом был и твоим. – резко отвечает Игнат.

Я открываю глаза и смотрю на него. Зотов полностью сосредоточен на дороге. Вам когда-нибудь нравилось наблюдать, как кто-то водит машину? Как прокручивает руль? Никогда бы не могла подумать, что это настолько красивое зрелище.

– Был. – только и могу напомнить я.

Игнат переводит взгляд на меня, я с готовностью принимаю его. Раздражение, злость, отчаянье – все, это я читаю в серебряных глазах.

– Да, и ты отказалась от этого сама... Отказалась от нас. Ради чего? Ради Матвея? – зло шепчет Игнат, пристально изучая меня.

Я первая отворачиваюсь, не выдержав напряжения. Боковым зрением вижу, что Зотов тоже возвращает взгляд на дорогу.

– Не надо, Игнат. Я сделала все правильно. Так было лучше... – говорю я, сглотнув огромный ком в горле.

Игнат усмехается, так, будто я рассказала анекдот.

– Лучше для кого? Для тебя? Или может для моей мамы, которая до последнего ждала от тебя звонка?!

– Лучше для тебя! – выпаливаю я, не сдержавшись, а сама едва перевожу дыхание.

Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, и часто моргаю, пытаясь прогнать их прочь. Отворачиваюсь от Игната, на сколько это позволяет сделать пространство, и устремляю взгляд в окно, наблюдая, как мимо проносятся дома. Зотов разгоняет машину, и я вжимаюсь в сиденье, чувствуя его взгляд на себе.

– Кто дал тебе право решать, что для меня лучше, а что нет?!

Во мне закипает чувство гнева, к которому я не привыкла. Молчу и мысленно считаю до десяти, чтобы успокоиться. Игнат нажимает на тормоза так резко, что я едва не вылетаю через лобовое стекло. Слава всем богам, что трасса пуста, иначе бы мы точно попали в аварию.

– Все из-за той ночи? – говорит Игнат.

Я стремительно разворачиваюсь к нему, не давая закончить.

– Хватит, Игнат! Хватит! Я сделала выбор и с этим выбором стараюсь жить дальше! Не стоит копаться в прошлом. Тебе может не понравиться то, что ты узнаешь...

«Например, что твоя семья велела мне оставить тебя в покое. Или что за эти два года не было не дня, где я бы не жалела о своем выборе.»

– Что это значит? – удивленно спрашивает Игнат.

Я опускаю глаза, изучая сиденье. Зотов поднимает мой подбородок, вынуждая посмотреть на него. Кончики его пальцев скользят по моей коже. Я перехватываю его руку и сжимаю, мягко отстраняя от своего лица.

– Я благодарна тебе за помощь и рада, что вы вернулись, но это ничего не меняет. Нам лучше больше никогда не встречаться.

Ожидая объяснений, Игнат осматривает меня внимательным взглядом. Понимая, что я больше ничего не скажу, Зотов снова заводит машину. Мы едим в тишине какое-то время.

– С Еленой и Марией ты тоже не общалась ради меня? – издевательским тоном спрашивает Игнат.

От куда он знает, что мы не общаемся? Кажется, немой вопрос отражается на моем лице, потому что Игнат объясняет:

– Елена приезжала к нам в Израиль, когда состояние мамы ухудшилось, была с ней ...до конца. А Мария вышла на связь только полгода назад и потом опять исчезла. Но от них я знаю, что ты прекратила общения и с ними тоже.

От этой информации в груди щемит от боли. Все они хоть как-то поддерживали связь друг с другом, а я...

– Я не видела девочек с нашего прощального похода в клуб. Сначала мы созванивались, но со временем все прекратилось... – спокойно объясняю я, хотя каждое слово ложь.

Пальцы непроизвольно касаются татуировки на запястье. Это успокаивает.

– Останови здесь. – командую я, как только мы въезжаем на знакомую улицу.

Игнат выполняет мою просьбу, хотя прекрасно понимает, что я попросила остановить не возле своего дома. Вопросов он не задает, и это радует.

– До скорого. – говорит Игнат, когда я уже готова покинуть его машину.

– Мы не... – отстраненно говорю я, пытаюсь унять панику.

– Мы увидимся и намного быстрее, чем ты думаешь. – с дерзкой улыбкой отвечает Игнат.

Я молчу, даже не прощаюсь. Просто захлопываю дверь и смотрю, как он срывается с места. Я знаю Игната достаточно, чтобы понимать: если он захочет со мной встретиться, то найдёт способ. Пусть это будет его проблема, мне же надо решить свои.

Еще минуту я стою на месте, глядя на дорогу, по которой уехал Игнат. Изнутри меня разъедает непонятное чувство. Будто все эти два года моя жизнь стояла на паузе, а Игнат собственноручно нажал кнопку «воспроизвести».

4 глава.

4 глава.

Виктория.

Уже на пороге собственного дома я замечаю, как меняется моё внутреннее состояние. Страх окутывает все мое тело и заставляет сердце биться чаще. Я не хочу видеть Матвея. Жаль, что он не может просто исчезнуть.

Оказывается, вчера я даже не закрыла входную дверь. В доме всё так же, как и было до моего ухода. Запах перегара, разбитая посуда и спящий в зале муж. Я облегченно выдыхаю, когда наконец понимаю, что он даже не узнал о моем «ночном приключении».

Дальше я стараюсь действовать очень быстро: не обращаю внимание на Матвея и иду напрямиком в ванную, предварительно заперев дверь на все замки. Наконец-то смотрю на себя в зеркало, с ужасом понимая, что именно в таком виде предстала перед Игнатом. Вся опухшая с растрепанными волосами, не пойми в какой одежде. Мысленно даю себе затрещину и запрещаю думать о Зотове.

У меня уходит чуть меньше часа, чтобы привести себя в порядок: сходить в душ, накраситься, одеться. И вот я смотрю на себя в зеркало наконец-то довольная результатом. Мои

медные волосы с рыжим отливом собраны в длинный «конский хвост». Плотный тональный крем перекрывает небольшую россыпь веснушек. Ресницы чуть подкрашены тушью, прекрасно подчёркивающей зелёный цвет глаз. Каблуки, юбка-карандаш, черная блузка, и вот образ учительницы готов. Я бы хотела надеть белую рубашку, но боюсь, что через нее будут видны мои синяки. Вызываю такси и уже у двери сталкиваюсь с мужем. Его вид ещё хуже, чем мой час назад.

– Твоя мать звонила мне раз десять. – говорит Матвей, зевая.

Он, не обращая на меня внимание, проходит к холодильнику.

– Я проспала на работу и уже ухожу. – отчитываюсь, как ребенок, и спешу к выходу.

– Почему на кухне такой срач?! – гневно восклицает Матвей, наступив на один из осколков.

Он одаривает меня взглядом, от которого мои рвотные позывы возвращаются.

– Ты же не работаешь сегодня, так займись уборкой. – кидаю я в ответ.

Пока Матвей не пришел в ярость от моих слов, я выбегаю на улицу и спешу к уже подъехавшему такси.

Естественно, торжественную часть линейки я пропустила, поэтому сразу направляюсь в здание.

Гимназия «Святого Михаила» была детищем Вероники Зотовой. Она вложила в нее свои душу и сердце. Я до сих

пор считаю, что лучшего учебного заведения в мире просто нет. Когда-то моя мама пришла работать сюда простым учителем, и, естественно, в первый класс я пошла именно сюда. Здесь мы познакомилась с Еленой и Марией. Мы были маленькими и не осознавали, что, оказывается, учимся в одном классе с сыном владелицы школы. Мы поняли все намного позже, когда Артур уже стал нашим лучшим другом. На этой почве наши семьи стали тесно общаться. Хотя в отличие от друзей, мои родители не считались богатыми. Мама - простая учительница, а отец - слесарь. Зотовых никогда не интересовал статус. Да и очень скоро моя мама стала директором, конечно же, не без помощи Вероники.

У меня никогда не было вопросов в выборе профессии. С самого детства я знала, что пойду по стопам мамы. Не то, чтобы я была когда-то против. В свои 24 года я уже год являюсь учителем русского языка и литературы, и, честно признаюсь, школа является моей отдушиной. Мне в классное руководство дали 10 класс. Не знаю, может из-за небольшой разницы в возрасте я легко смогла найти с этими детьми общий язык. Работа стала для меня местом, где я могла дышать полной грудью, даже не учитывая тот факт, что надзиратель в виде моей мамы всегда был где-то поблизости.

– Ты понимаешь, что никто, а тем более *моя дочь*, не может себе позволить такую наглость? – голос матери раздается за моей спиной.

Оборачиваюсь, пытаюсь выглядеть спокойной. Мы стоим

в пустом коридоре гимназии, все учителя сейчас находится со своими классами. Мама разочарованно смотрит на меня, скрестив руки на груди. На ней строгий костюм серого цвета, который предаёт ей более суровый вид. Зелёные глаза немного сощурены, на лице не видно морщин, а в огненно-рыжих прядях нет ни одного седого волоска. Такое чувство, что возраст не имеет над ней власти.

– Этого больше не повториться. – монотонно говорю я, вкладывая немое обещание в каждое слово. – Мы можем поговорить?

Взгляд мамы из разочарованного превращается в обеспокоенный.

– Поговорим... – кивает она, как-то странно рассматривая меня.

– Иди к своему классу. Зайдешь ко мне потом.

Теперь уже я киваю и осторожно обхожу директрису, чтобы направиться в свой кабинет.

– Вика! – зовет мама, и мне приходится обернуться.

– Зотовы вернулись.

Тон, которым она это говорит, заставляет меня напрячься. Я не показываю своих эмоций и сохраняю внешнюю невозмутимость. Мама же выглядит озадаченной и задумчивой. Она явно хочет сказать что-то еще, но вместо слов лишь разворачивается и уходит.

Первым, что я вижу, зайдя в свой кабинет, это огромный букет голландских розовых роз, который лежит на моём ра-

бочем столе. Я слышу, как гул учеников стихает, стоит мне зайти в класс. Честно сказать, я не обращаю на них внимания, меня полностью привлёк букет. Это мои самые любимые цветы.

— Ребята, мы же договаривались без букетов. — говорю я, потому что так надо, на самом деле мне очень приятно.

Дотрагиваюсь до цветов. Мне даже не нужно наклоняться, чтобы почувствовать аромат.

— А, это новенькие. — насмешливо произносит один из учеников.

«Новенькие?!»

Перевожу взгляд на свой класс и, боже, ... Мне нужен корвалол или валерьянка, а лучше сразу яд ...

Есть одна деталь, которая вылетела у меня из головы, и вот это самая деталь стоит у меня в кабинете. Да ни одна, а сразу в двойном комплекте.

Мои ученики полукругом столпились возле новеньких. Игнат и Марк Зотовы.

Вспоминаю улыбку, которую мне послал Игнат, когда мы прощались.

«Вот же гад!»

Близнецы уехали в середине девятого класса. Я, честно сказать, и подумать не могла, что они пойдут дальше, в одиннадцатый. Мне всегда казалось, что они бросят учёбу, как только смогут. Оказалось, они порядочные ученики, заботящиеся о своём образовании. И вот они оба передо мной.

Мама не могла сама лично отправить Зотовых в мой класс. Значит её заставили, и есть только два человека, способных на это.

Георгий или Артур Зотовы.

На мгновение кажется, что в классе нас только трое. Я ничего не могу с собой поделатъ и открыто рассматриваю близнецов.

Вообще в гимназии «Святого Михаила» действует узаконенная форма: чёрные брюки, либо юбка, пиджак в тон и галстук с гербом гимназии. Игнат каким-то чудом успел надеть форму. Школьный пиджак облегал его четко очерченные мышцы, придавая ему более взрослый вид. А вот Марк... Он, конечно, тоже в форме, но, кажется, даже не думал о пиджаке или галстуке. На нём только белая рубашка с подвернутыми до локтя рукавами. Это сделано специально, чтобы открыть вид на его руки и десятки замысловатых татуировок. Тату есть даже на шеи. Отсюда мне не видно, но кажется это ворон.

Ну, ничего себе!

Идея набить наши парные татуировки принадлежала Марку. Он полностью придумал дизайн и ходил за нами хвостиком недели две, уговаривая на это. В итоге мы все, конечно же, согласились. Я помню с какими горящими глазами он смотрел на своё первое тату. Тогда я уже предполагала, что он обязательно сделает ещё. Просто не думала, что так много.

Главным отличием между близнецами всегда были глаза. У Марка они небесно-голубые, как у его матери. А вот у Игната серые, как у отца. Если раньше это было единственное отличие, то с годами он сделал себе ещё одно - цвет волос. С рождения он у них светло-русый. Сейчас же у Марка волосы и брови выкрашены в чёрный цвет.

– Пожалуйста, ребята, присаживайтесь. Новенькие, прошу представиться. – спокойно говорю я, радуясь, что смогла сохранить лицо перед классом.

Ученики неохотно рассаживаются на свои места, а близнецы остаются стоять за последней партой. Игнат смотрит скучающие, так, будто мы с ним не виделись несколько часов назад. А вот Марк явно не пытается скрыть своей насмешки. Он дожидается, пока подростки займут парты, и демонстративно указывает на себя рукой.

– Я надеялся, что вы про нас слышали. Меня Марк зовут, а это мой брат Игнат... Зотовы.

Гул учеников повисает в воздухе, но я слишком ошеломлена, чтобы реагировать.

– Они с первого по девятый класс учились здесь, но это ещё было до вас, Виктория Александровна. – улыбаясь объясняет один из учеников. – Я им о вас рассказал.

– Рекламируешь меня, Фокин? – пытаюсь пошутить я.

– Обижайте, Виктория Александровна, я сказал, что вы лучшая учительница в моей жизни и когда-нибудь мы с вами поженимся. – воодушевлено говорит ученик.

По классу разлетаются смешки. Я уже давно не обращаю внимания на такие шуточки подростков, а сейчас вдруг становится не по себе. Я мельком смотрю на Игната, но он сидит с каменным выражением лица, зато, кажется, Марку это не нравится.

Что бы не вызвать новых разногласий, я начинаю классный час. Стараюсь полностью игнорировать присутствие близнецов в своём кабинете. Делать это очень трудно, ведь они, как коршуны, наблюдают за мной.

Спустя час каторга заканчивается, и я отпускаю своих учеников домой, чтобы они спокойно могли пожить ещё два выходных, прежде чем начнется тяжёлый учебный год. Чем меньше становится учеников в классе, тем больше я начинаю нервничать. Совсем не знаю, как вести себя с Марком. Что говорить? Что делать?

Вот в классе остаётся всего лишь два ученика. Кажется, мне снова становится трудно дышать. Игнат первым поднимается со своего места. Он обменивается с близнецом многозначительным взглядом и покидает кабинет, даже ни разу не посмотрев на меня. Марк закидывает рюкзак на плечо и медленно направляется к двери. Всего на секунду мне кажется, что он задерживается в кабинете, чтобы поговорить со мной. Я боялась этого так же сильно, как хотела. Но все, что позволяет себе Марк, это взгляд. Один единственный, от которого мне хочется стереть свое существование с лица земли.

– Ты ненавидишь меня? – спрашиваю я надломленным голосом.

Рука Марка застывает на ручке двери. Он усмехается и медленно оборачивается. Мне кажется, что проходит целая вечность, прежде чем я слышу его голос.

– Можно я задам вопрос?

Я просто киваю в ответ.

– Скажи, оно того стоило? Ты стала счастливой?

Вот так просто двумя предложениями он вбивает последний гвоздь в мой личный гроб. Я знала, что когда-нибудь Зотовы вернуться, и это принесет мне очень много боли, но я даже представить не могла, что все будет именно так. Марк всегда был для меня надоедливym младшим братом, который одной шуткой способен довести до бешенства. Даже слышать его серьезный тон без намека на сарказм для меня что-то необычное, неправильное. Лишнее напоминание, что он больше не тот подросток, которого я помнила. Я молчу, просто потому что мне нечего ответить.

– Я понимаю, ты хотела начать жизнь с чистого листа. Без проблем. Твое право. Но зачем было поступать с нами *так*? Думала, мы не примем твой выбор? – болезненная ухмылка появляется на губах Марка, искажая его лицо.

– Мария тоже захотела жить своей жизнью, но она хотя бы потрудилась сообщить нам об этом. А ты? Неужели мы не заслужили, хотя бы одного звонка от тебя? Неужели не заслужили узнать о твоём выборе от тебя, а не от твоей ма-

тери?

– Марк...

– Знаешь, что? Это не важно. С нами поступай как хочешь, но мама... Она этого не заслуживала.

Холодный озноб пробирает все тело. Неужели они действительно считают меня такой? Да, я виновата. Я не знала, что Ника умерла, не общалась с ними. Но ведь Вероника сама этого хотела. Тогда чем я заслужила эти слова? Я напоминаю себе, что не должна чувствовать вину, однако в глазах предательски собирается влага. Марк изучает меня и, встретившись со мной взглядом, первый отворачивается.

– Я не ненавижу тебя – признается Зотов с неохотой. – Я очень по тебе скучал... Очень.

Ничего не могу с собой поделать и улыбаюсь. Одинокая слеза все-таки скатывается по моему лицу.

– Не вздумай реветь, а то тушь потечёт. Первоклашек перепугаешь.

Из меня вырывается нервный смешок. Марк больше ничего не говорит. Последний раз встречается со мной взглядом и покидает кабинет так стремительно, будто заставляет себя это сделать.

У меня окончательно заканчиваются силы. Хочется, чтобы этот день поскорее закончился. На ватных ногах я направляюсь в кабинет мамы. В принципе еще хуже, чем сейчас быть уже не может. Так я думаю до тех пор, пока в приёмной директрисы в меня не врежется мужчина.

– Ну, здравствуй, полторашка. – от этого голоса у меня мурашки бегут по телу.

Я смотрю в холодно-голубые глаза человека, которого боялась встретить больше всего.

– Здравствуйте, Артур Георгиевич... – мой голос звучит как надломленный писк.

Артур возвышается надо мной в силу своего роста. Блондин, голубые глаза, который ничем не уступает своим братьям. Такой же красивый. Как однажды сказала Елена: «Это не справедливо, что в одной семье столько красавчиков». Он в дорогом костюме от Armani, который шикарно подчёркивает его фигуру. И что для меня удивительно, мужчина отпустил бороду.

Артур смотрит на меня без тени неприязни, и, в отличие от своих братьев, в его глазах нет и намёка на призрение. Либо он хорошо играет, либо... А, быть может, он уже меня простил?

От этой мысли почему-то хочется снова разрыдаться, хотя кажется я уже выплакала весь свой запас слез на ближайший год вперёд.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Артур обеспокоенно.

Он меняет свою позу, так будто прячет меня от любопытного взгляда секретарши, на которую я даже не обращаю внимание.

– Нет, я не в порядке! Что вы все от меня хотите? Я сдела-

ла все, как вы с Никой хотели, а теперь они ненавидят меня и... — я останавливаю свой поток слов, когда понимаю, что срываюсь на кричащий шёпот.

Артур вопросительно выгибает бровь и удивленно смотрит мне в глаза.

— О чем ты черт возьми?

Он смотрит на меня в недоумении, как будто я только что дала ему какую-то новую информацию.

— Послушай...

Зотов коситься через плечо на секретаршу, которая старательно делает вид будто наш разговор её совсем не интересует. Он деликатно прокашливается и немного нагибается в мою сторону, чтобы следующие его слова услышала только я.

— Давай поговорим в другом месте. Мы подождем тебя у ворот гимназии, и потом ты объяснишь мне, что за чертовщину я только что услышал.

Киваю ему и провожаю взглядом, когда он спешит покинуть приемную. Что ж, хочет поговорить, значит мы поговорим. Мне определенно есть, что сказать.

5 глава.

5 глава.

Виктория.

Сегодня упало первое домино. Моя жизнь, которую я выстраивала на протяжении двух лет, начинает рушиться. Я это чувствую внутри себя и даже, глядя на маму, не могу избавиться от этих ощущений. Она сидит за своим рабочим столом чернее тучи. Я так понимаю у неё только что был разговор с Зотовым, который ей явно не понравился. Она подавлена, задумчива и, мне кажется, испугана, хотя этого в принципе не может быть.

– Артур забирает у меня гимназию. – наконец-то производит мама, пустым взглядом глядя на стену рядом со мной.

Моя мама не любитель показывать эмоции, но сейчас даже она не может скрыть своих истинных чувств. Я понимаю, что она имеет в виду. Артур не уволит её, но с возвращением Зотовых маме придется смириться, что здесь она больше не главная.

– Он не может забрать у тебя то, что принадлежит ему. Эта гимназия их матери, а ты лишь временно занималась управление в их отсутствие. – осторожно говорю я, следя за её реакцией.

Это единственное, что приходит мне в голову. Наверно,

для мамы это значит, что я встаю на сторону Артура, но я просто говорю правду.

Всего на секунду раздражение искажает черты её лица, но она быстро берёт себя в руки, надевая на лицо привычную без эмоциональную маску.

– Они два года не занимались этой гимназией. Только получали с неё деньги. Все делала я. – голос мамы звучит ледянее айсберга.

Некоторое время я просто наблюдаю, как она встает со своего рабочего места и меряет шагами кабинет. Видеть маму такой очень непривычно. Неужели возвращение Зотовых на неё так сильно повлияло? Мама думала, что они не вернуться, и я даже слышала, что она хотела выкупить гимназию у отца братьев – Георгия Зотова. Спокойно подхожу к её рабочему столу и наливаю в стакан воды из графина, протягиваю ей. Мама смотрит на стакан так, будто её раздражает сам факт того, что ей кто-то предлагает помощь, но все-таки принимает воду. У меня в голове куча мыслей и не одна из них не сулит ничего хорошего.

– Вика... – зовет мама, привлекая мой взгляд на себя. – Наверно, надо было сказать тебе, что близнецы теперь в твоём классе.

Голос передает всю растерянность её состояния.

– Наверно, надо было сказать мне, что Ника умерла. – пародируя её тон, говорю я.

Мама удивленно смотрит на меня. Кажется, она не ожида-

ла, что я узнаю об этом так быстро. И от этого ещё больней. Мама дружила с Никой, общалась с ней, пока я не могла. Она молчит и отводит взгляд. Я знаю, если выйду из себя, то все испорчу, однако контроль над эмоциями никогда не был моей сильной стороной.

– Как ты могла, мама! Я каждый день тебя спрашивала о состоянии Вероники! И ты отвечала, что все хорошо, что она идет на поправку! Ты обманывала меня! – мой голос срывается на крик, но я ничего не могу с собой поделать.

– Ты думала я не узнаю?!

Слишком много всего обрушилось на меня за одни сутки. Играть роль хорошей дочери больше нет смысла. Тишина в кабинете сгущает воздух между нами. Мама обреченно смотрит мне в глаза, видно понимая, что соврать уже не получится.

– Надеялась, что у твоих друзей хватит гордости не общаться с тобой после случившегося... – мама бросает на меня многозначительный взгляд. – Что ж, я ошиблась.

У меня ноги становятся ватными, и я готова рухнуть прямо на пол от безысходности. Мама говорит так спокойно, будто я развожу скандал на пустом месте.

– Вот так просто? Ты говоришь мне об этом так спокойно? Она умерла, мама! Вы же дружили...

Усмешка, появившаяся на лице матери, не дает мне закончить. Она выглядит как-то неуместно. Это странно и, честно сказать, немного жутковато. Кажется, мама борется за кон-

троль над своими эмоциями и делает глубокий вздох, чтобы успокоиться.

– Какая же ты еще наивная... – качая головой, тихо говорит она.

Мама подходит ко мне и кладёт руку на мое плечо, аккуратно сжимая.

– Я знаю, как сильно ты любила Нику. Прости меня, за обман... Но так было лучше для тебя самой.

«Не верь ей» - кричит гнев внутри меня.

«Она твоя мама и хотела, как лучше» - отзывается ещё один голос.

– Я уже давно не ребенок и способна сама разобраться, что для меня лучше, а что нет.

Осознав смысл собственных слов, я вспоминаю об Игнате. Интересно, он чувствовал себя так же дерьмово, как я сейчас?

«Ради тебя» - отвратительные слова. Никто не может знать, как тебе будет лучше, кроме тебя самого.

– Ты мой ребенок и навсегда им останешься. Я всегда буду делать так, как лучше тебе, даже если ты не понимаешь этого. – мама пожимает плечами и прищуривается.

– Ника отказалась от тебя, а ты каждый день задавала мне вопросы о ней. Я знала, что новость о её смерти уничтожит тебя, и молчала... Не стоит беспокоиться о людях, которые оставили тебя в прошлом.

Она права. Как бы я не хотела это признавать, но мама

действительно старается ради меня. Она любит меня и заботиться обо мне, так как умеет, хоть я и являюсь главным разочарованием в её жизни...

– Может хорошо, что ты наконец узнала о ее смерти. Теперь ты можешь двигаться дальше. – говорит мама тихо

– В любом случае ты не должна общаться с Зотовыми.

Вот она наконец перешла к сути. Это даже интересно, хотя я знаю, что в этой игре она победит. Молча наблюдаю, как мама скрещивания руки в замок и садиться в позу «я здесь босс».

– За ошибки приходится долго расплачиваться, Вика. То, что ты сделала два года назад, ни забыла ни я, ни Матвей, да и твои обожаемые Зотovy тоже. Что бы они тебе не говорили, оставь их наконец в прошлом. Раз говоришь, что уже не ребенок, то докажи это. Твой муж - вот что тебя должно беспокоить, а не эти игры в дружбу.

У меня во рту появляется кислый привкус. Матвей... Ну, конечно. Все, что интересует маму, это мой счастливый брак. И её обожаемый Матвей. Она его боготворит в прямом смысле этого слова.

– Я хочу уйти от него... – произносит мой голос, хотя я не собиралась озвучивать эти мысли в слух.

Мама удивленно моргает. Минуту смотрит на меня, переваривая информацию или может надеяться, что я пошутила.

– Никогда больше не смей говорить мне об этом. Матвей любит тебя. Заботиться о тебе. Я не позволю этому *маль-*

*чишикес*нова вскружить тебе голову. Не заставляй меня снова пройти через весь тот позор, что произошёл два года назад. Матвей – твой муж! Вбей это в свою голову наконец.

От её слов моё сердце начинает биться с такой силой, как будто хочет вырваться из груди. Интересно, что она сделает, если я покажу ей свои шрамы и синяки? Расскажу, как её драгоценный зять издевается надо мной весь период нашей счастливой семейной жизни? Может быть, она наконец встанет на мою сторону?

Горло стягивает невидимой петлёй, и я понимаю, что как бы не хотелось, но в таком я признаться не могу, а единственное, что вырывается из меня, это уверенное:

– Я его не люблю.

Мама щелкает языком и качает головой. Её взгляд становится таким болезненным и тяжёлым, что я не выдерживаю и отворачиваюсь.

– Любовь... – тянет мама, будто пробует это слово на вкус.

– Что в ней хорошего? Совершенно ничего. Я любила однажды, и, поверь, кроме боли, мне это ничего не принесло. Любовь ломает нас, убивает...

Мама делает паузу, и мне почему-то кажется, что она сейчас точно говорит не о моем отце.

– Ты путаешь любовь с обычной страстью. – мама смотрит на меня, вкладывая в эти слова какой-то свой смысл.

– Посмотри на мою жизнь. Я столько мучилась с твоим папой. Столько перенесла... Его постоянные долги, эти азарт-

ные игры.... Но мы все равно вместе. Вот что такое любовь. А не то, что пишут в твоих любовных романах. С Матвеем тебе никогда не придется ни в чем нуждаться, и ты не повторишь мою судьбу.

Мама говорит последнее предложение жестко и уверенно, будто приносит клятву.

– Я говорила это раньше, но повторяюсь последний раз. Оставь этого *мальчишку* в покое, не позорь себя ещё больше. Я запрещаю тебе с ним видаться и разговаривать помимо твоих рабочих обязанностей. Займись своей семьей и своим мужем или ты забыла, сколько Матвей сделал для нас?

Мои пальцы находят татуировку, и я поглаживаю ее, как делаю всегда, чтобы успокоиться. Я медленно встаю, направляясь к выходу.

– Для *вас*мама. – поправляю я и уже около двери добавляю: – Для меня он ничего не сделал.

Больше я ничего не говорю и лишь покидаю кабинет директрисы. Мои родители действительно находятся на полном обеспечении моего мужа. Отец - азартный игрок. Пару лет назад он проиграл в казино все наше имущество, и Матвей помог ему решить эту проблему. После замужества я почти не общаюсь с отцом, да и желанием не горю.

Возвращаюсь в свой кабинет и совершенно не знаю, что делать дальше. Все выходит из-под контроля, хотя... Я вообще когда-нибудь что-то контролировала?

Я подхожу к окну, которое выходит прямо на парковку

для работников гимназии. И они там. Игнат, Марк и Артур стоят возле чёрного джипа, о чем-то переговариваясь. Мой взгляд в первую очередь находит Игната. И я впитываю в себя все его движения. Даже так, глядя на него через стекло, я все равно чувствую что-то родное, то что давит на сердце болезненно и приятно одновременно. Мы не виделись столько времени. Разве эти чувства, что живут во мне против моей воли, не должны были исчезнуть?

Мама говорит, что это всего лишь страсть. Она сказала мне это сейчас и два года назад, когда Вероника Зотова заявила ей, чтобы я больше никогда не смела приближаться к её сыну и их семье. Я путаю простое вожделение с любовью. И это то, из-за чего моя жизнь скатилась прямо в ад. Но... Если страсть это единственная причина моего увлечения Игнатом в прошлом, то сейчас мне определенно нечего бояться. Матвей убил во мне всю любовь к таким вещам, как секс, поцелуи и любые другие формы прикосновения.

– Я отпустила тебя... – произношу шепотом, глядя на Игната.

Запускаю пальцы себе в волосы и отворачиваюсь от окна. Моя мама права... Черт! Не знаю, как она это делает, но теперь вместо злости за ложь я чувствую всепоглощающую вину. Мне нужно держаться подальше от Зотовых. Даже если я расскажу близнецам правду, что это даст? Они перестанут меня ненавидеть и обидятся на своего брата? Не нужно быть дураком, чтобы понять, что ни Артур, ни Ника не сообщат

ли Игнату и Марку, что решение вычеркнуть меня из жизни Зотовых, принадлежало далеко не мне. И стоит ли сейчас об этом рассказывать? Определенно нет. Я не смогу подставить Артура...

Мне требуется еще минут пять, чтобы взять себя в руки. Я выбрасываю букет в мусорное ведро и на негнущихся ногах иду прямо к братьям.

Они ждут и при виде меня сразу прекращают разговор. Артур открывает мне пассажирскую дверь, жестом приглашая сесть внутрь. От этого действия внутри растекается тепло... Запираю это чувство на тридцать замков.

– Я не куда не поеду, Артур. – скрещивая руки на груди произношу я.

Марк цокает и становится в позу. Игнат лишь хмуриться. А Артур... Его реакция мне непонятна.

– Вика, – начинает он, подбирая слова. – нам есть, что обсудить, а тебе, что рассказать.

Вика... Артур никогда меня так не называл раньше. Только «полторашка» - это прозвище зародилось еще в подростковом возрасте, когда он вымахал целым бугаем, а я дышала ему в пупок.

– Нам нечего обсуждать, и мне нечего сказать. – упрямо отвечаю я, напоминая ребенка.

– Серьезно? Спустя два года молчания ты даже не хочешь объясниться? – выпаливает Марк, обиженно глядя на меня.

«Хочу... очень хочу» - ноет голос в моей голове.

– Это ни к чему. Наша дружба осталась в прошлом. Давайте не будем все усложнять.

– Фу, Виктория Александровна, эта фраза слишком пафосная для вас! – бросает Марк с высокомерной ухмылкой.

Артур даёт брату знак заткнуться и приближается ко мне. Игнат наблюдает за нами молча, полностью сосредоточенный на своих мыслях.

– Знаешь, я тебе не верю. – спокойно отзывается Артур

– Мы знакомы столько лет, и я тебя очень хорошо знаю. К чему весь этот цирк, который ты разводишь? То, что ты сказала мне в приемной твоей мамы... Я хочу, чтобы ты хотя бы объяснялась за это.

У меня начинается нервный тик. То, что он говорит и то, как он это говорит, заставляет меня усомниться в своей вменяемости. Набираю в грудь побольше воздуха, чтобы выпалить все, что я о нем думаю. Я не хотела этого, но он сам меня вынуждает.

– Артур, ты...

– Вика. – звучит ледяной голос за моей спиной.

Братья синхронно смотрят на источник звука. Я же замираю, как восковая фигура.

«Нет, нет, только не ты!»

Матвей подходит через секунду. Его взгляд прикован к Артуру, а на лице читается открытая неприязнь. Муж демонстративно целует меня в губы, от чего приходится подавить в себе желание вытереться.

– Милая, я тебя по всей школе ищу. – приторно нижним голосом произносит Матвей.

Он изучает Зотовых долгим неприятным взглядом. Игнат наконец-то перестает походить на призрака. Теперь он больше похож на Ганнибала, перед которым сейчас стоит его жертва. Я замечаю, как Артур закрывает Игната своей спиной, а Марк становится ближе к близнецу. Отлично, только этого мне не хватало для полного счастья.

– Матвей... – начинаю я.

– Ты – Артур, да? Одноклассник моей жены? – перебивает меня муж, грубо подчеркнув последнее два слова.

Надо отдать ему должное, он хорошо играет. Ему прекрасно известно, кто такой Артур.

– Да, мы встречались пару раз. – подыгрывает Зотов.

Я же смотрю только на Игната, которому Марк что-то шепчет на ухо. Матвей, к моему сожалению, прослеживает мой взгляд.

– А это...?

– Это мои братья. Игнат и Марк. – спешит объясниться Артур, чтобы это не успел сделать Марк.

– Что ж, приятно познакомиться. – говорит Матвей откровенную ложь. – Дорогая, ты закончила?

– Да. Я сказала все, что хотела – произношу я, глядя на Артура.

Матвей берёт меня за одну руку, а во вторую пихает букет белых лилий, на которые я даже не обратила внимание.

– Тогда мы уходим. До свидания. – вежливо говорит муж, хотя глаза кидают молнии, которые должны были давно убить Артура на месте.

Последний раз смотрю на Игната, и мы встречаемся с ним взглядом. Все, что написано в серебряных глазах, это просьба, которую с лёгкостью можно прочесть.

«Не уходи.»

«Я не могу.» – отвечаю я мысленно.

– Матвей! – зовет Артур, когда мы уже готовы развернуться.

– Наша семья вернулась в город три дня назад, и мы готовим официальный приём. Будем рады вас там видеть.

У меня отвисает челюсть. Удивление взгляды Марка и Игната говорят мне о том, что они слышат об этом впервые.

– Не думаю, что мы сможем... – говорит Матвей, крепче сжимая мою руку.

– Не спишите отказываться. – прерывает Артур. – Я слышал, что вы довольно квалифицированный специалист. У вас своя юридическая фирма.

Матвей горделиво кивает и легко верит в лесть Артура.

– Наш отец может предложить вам сотрудничество. Ему, как раз, нужны такие специалисты, как вы.

Глаза Матвея загораются огнём. Не знаю, откуда Зотов знает, как привлечь внимание моего мужа, но у него это получается.

– Мы пришлем вам приглашение. До скорого. – говорит

Артур, не скрывая победной улыбки.

Зотовы обмениваются взглядами и синхронно садятся в машину. Матвей задумчиво тянет меня в сторону выхода с парковки. Он молчит, но хватка, с которой он сжимает мне руку, становится болезненней с каждой секундой. Только в машине, когда двери закрываются, муж позволяет себе посмотреть на меня.

– Я предупреждал тебя?! – яростно шипит мне в лицо Матвей. – Я говорил, чтобы ты не вздумала общаться с этим Артуром!

Он бьет ладонями по рулю, я же сжимаюсь на переднем сидении. Страх окутывает меня, как одеяло, заставляя тело трястись от мелкой дрожи.

– Я ничего не сделала... – пытаюсь защититься я.

«Ну, как ничего, подумаешь, пока ты спал в пьяном угаре, я спала с другим в одной кровати.»

– И не сделаешь! Только попробуй с ним ещё раз заговорить, и я разорву тебя.! – обещает мне Матвей.

Он делает глубокий вдох и, немного успокоившись, отъезжает от гимназии.

– Мы пойдем на этот приём. И только попробуй сделать хоть что-то, что мне может не понравиться. – предупреждает Матвей.

Я устремляю глаза на жалкий букет в моих руках и сжимаю один из цветков в кулаке.

Ненавижу лилии!

Тело само по себе жмётся по ближе к двери в попытке быть как можно дальше от Матвея. Мне хочется рассмеяться от мысли, что муж ревнует меня именно к Артуру. Если бы он только знал, что беспокоиться надо совершенно о другом Зотове. Тот, с кем у меня действительно что-то было...

6 глава.

6 глава.

2 года назад.

Виктория.

Барная стойка дрожит под нами, но никто не обращает на это внимание. Елена двигается в такт музыки, извиваясь, как змея, а Мария жмётся ко мне ближе, боясь свалиться с нашего пьедестала. Наши искренне улыбки, звенящий смех и изгибающиеся тела привлекают внимание, кажется, всех посетителей ночного клуба «Бермуды». Каждому хочется увидеть, что за три сумасшедшие девчонки решили забраться на стойку, чтобы потанцевать под любимую песню. Нам нет до них дела, сегодня наша ночь, и мы готовы сделать все, чтобы провести её достойно.

Музыка наполняет уши, почти совпадая с биением моего сердца. Спустя всего мгновение песня сменяется, и нам приходится разорвать объятия, чтобы спуститься с барной стойки. Некоторые присутствующие аплодируют, кто-то даже свистит, а бармены, что стояли в сторонке, пока мы занимали их рабочее место, досадно качают головами. Елена и Мария легко возвращаются на землю, потому что для

них каблукы подобны продолжению их ног, а я же похожа на неуклюжего пингвина. Наверно, я бы могла доставить многим людям удовольствие лицезреть себя растянувшейся на полу, если бы не Игнат. Он подхватывает меня в нужный момент. Его крепкие руки сжимают мою талию и легко снимают с проклятой стойки так, будто я легче перышка. В свои шестнадцать он уже на полголовы выше и в два раза шире меня. Мои ноги твердо стоят на земле, но Игнат не спешит убирать руки, да и я совсем не возражаю. Алкоголь в моей крови помогает признать, что его близость довольно приятна и даже желанна. Мне приходится немного вскинуть голову, чтобы встретиться с серебром в глазах Игната. Он такой хороший. Настоящий. И всегда рядом, когда мне это нужно. И, черт меня подери, все эти факторы делают его ещё более идеальным в моих глазах. Губы Игната изгибаются в красивой улыбке, которая заставляет меня опустить на них глаза.

Интересно, кого бы это было целоваться с ним?

Прежде чем я успеваю получить ответ на свой вопрос, вспышка с правой стороны слепит глаза. Я тут же оборачиваюсь, встречаясь с довольной физиономией Марии, частично спрятанной за телефоном, на который она нас только что сфотографировала. Я отстраняюсь от Игната и, заливаясь краской, хватаю блондинку под руку, чтобы мы могли вместе вернуться к нашим друзьям.

– Эта фотка подойдет для обложки какой-нибудь книги.
– шепчет Мария мне на ухо, показывая телефон.

Мельком смотрю на фотографию, где четко видно, как я пялюсь на губы Игната.

– Удали! – шиплю я.

Мария лишь качает головой и встает между Еленой и Марком, которые ждут нас за барной стойкой. Артур делает заказ у бармена, а Игнат стоит за моей спиной. Я чувствую его присутствие каждой клеткой своего тела, хотя он не нарушает мои личные границы. Обвожу друзей взглядом и с облегчением понимаю, что кроме Марии никто не видел моего позора. Непринуждённо встаю рядом со всеми. Игнат заглядывает Марии в телефон, и я слышу его голос: «Перекинь мне», на что моя подруга просто кивает! Вот же предательница! Хотя я сама виновата, нечего засматриваться на несовершеннолетних. Вообще с Игнатом у нас все... сложно. Из-за дружбы с Артуром я познакомилась с близнецами, когда им исполнилось по восемь лет. И все было прекрасно, пока что-то между мной и Игнатом не изменилось пару недель назад. Как будто притяжение увеличилось. Я стала замечать его красоту. Взгляды задерживаются дольше, чем стоило, и эта дурацкая потребность лишний раз соприкоснуться. А сегодня я уже докатилась до того, что хочу его поцеловать! И я вроде как стараюсь избегать Игната.

Во-первых, потому что я на шесть лет старше.

Во-вторых, он несовершеннолетний.

В-третьих, я уже год как в отношениях, и мне недавно сделали предложение.

– Итак, тост. – голос Артура выгоняет меня из купола мыслей.

Я прижимаюсь ближе к друзьям, забираю из рук Артура протянутую рюмку с текилой и просто осушаю ее до дна под удивлённые взгляды присутствующих.

«Извините, ребята, мне это сейчас нужнее.»

Закатив глаза Артур даёт знак бармену повторить заказ. Когда у каждого из нас в руке по напитку, мы встаем полукругом, чтобы услышать друг друга из-за грохочущей музыки.

– За то, чтобы у нас всё было хорошо. – улыбаясь говорит Елена.

– И чтобы цирроз печени миновал нас стороной! – подхватывает Марк.

Мы смеемся, чокаясь бокалами. Какие бы грустные мысли не терзали нас в глубине души, мы все-таки счастливы в этот момент. Страх за Нику, отъезд Зотовых в другую страну, вынужденное расставание с самыми родными людьми – об этом я буду думать завтра, а сейчас мне просто хочется насладиться нашим последним вечером вместе.

Еще какое-то время мы все стоим возле барной стойки, переговариваясь друг с другом, а потом идем через танцующую толпу прямо к нашему столику. Я чувствую руку на своей талии, которая мягко останавливает меня прямо посреди танцпола.

– Потанцуй со мной. – говорит Игнат мне в ухо, от чего

мурашки пробегают по всей спине.

Я поворачиваюсь в пол-оборота, пальцем приманивая его нагнуться.

– Ты не любишь танцевать. – напоминаю я.

Из-за музыки нам приходится почти орать, держась очень близко друг другу, чтобы разобрать слова.

– Ради тебя я сделаю исключение. – склоняясь к моему лицу говорит Игнат.

Этих слов хватает, чтобы я забыла о том, что хотела держаться от него подальше. Не спуская глаз с Игната, начинаю плавно двигаться в так музыке. Я люблю танцевать, движения сами вырываются из меня, идеально подходя песне. Игнат наблюдает за мной какое-то время, затем наконец присоединяется. Подаюсь порыву и переплетая наши пальцы, притягиваю его ближе к себе. Песня веселая и, в принципе, это сближение не требуется, но мне так хочется. Я успокаиваю себя тем, что могла бы с легкостью так танцевать с Артуром или Марком. Хотя танцующий Артур выглядит нелепо, как будто медведя заставили двигаться. Марк старается выглядеть круто и мужественно, чем всегда вызывает смех. А вот Игнат... Он идеален. Движения гармоничны, пусть и немного не ловки, взгляд уверенный, а харизма приукрашивает каждое движение. Не знаю, где логика в моих мыслях, ведь Игнат и Марк – близнецы и, в принципе, должны быть одинаковыми, но только не для меня. У меня уже начинает болеть челюсть от широкой улыбки, которая никак не сходит

с моего лица. Музыка меняет ритм, и в этот самый момент Игнат прокручивает меня так, что я прижимаюсь к нему спиной. Из меня вырывается озорной смех, но, когда он обхватывает мою талию и прижимает к себе еще ближе, кровь в жилах закипает со скоростью света. Игнат опускает подбородок мне на плечо, отчего наши носы соприкасаются. Поворачиваю голову, склоняясь к его уху.

– Знаешь, о чем я мечтала, когда была подростком? – говорю я.

Игнат только вопросительно вскидывает брови, ожидая ответа.

– Я хотела станцевать с кем-нибудь под проливным дождем.

Ну, все, похоже я напилась в стельку, потому что вообще не знаю, для чего поделилась этой информацией. Игнат улыбается, немного поворачивает голову, отчего его нос утыкается в мои волосы. Мне на секунду кажется, что он втягивает воздух более глубоко, чем нужно.

– Я запомню. – говорит он так тихо, что я едва разбираю его слова.

Притяжение между нами нарастает с каждой секундой, пока мы медленно двигаемся прижимаясь друг к другу, совсем не попадая в резкие звуки музыки. Мой запоздалый разум наконец приходит в себя. Начиная осознавать, как мы выглядим со стороны, я отстраняюсь от Игната и, не дожидаясь конца песни, иду к столику.

«Что же ты творишь?»

Сердце в груди бьётся так сильно, будто хочет вырваться на волю. Я усаживаюсь за стул, и через мгновение Игнат садиться рядом. Никто из друзей, кажется, не обратил внимание на наше отсутствие. Марк куда-то сбежал, а Елена что-то активно рассказывает явно скучающему Артуру, который едва ли ее слушает. Мария почему-то сидит вдали от всех, пьет шампанское, не отрывая взгляда от бокала.

– Эй, все нормально? – нагибаясь к подруге, спрашиваю я.

Мария поднимает глаза, всего мгновение смотрит в сторону Артура и Елены, после чего натягивает на свое лицо ослепительную улыбку и кивает. Она тянется за бутылкой шампанского, добавляя себе еще алкоголя. Ее настроение мне не нравилось еще с выхода из дома Зотовых. Она явно подавлена и через чур задумчива. Я списала это на беспокойство из-за предстоящего отлета парней, но сейчас у меня такое чувство, что причина не только в этом. Кажется, чем больше она пьет, тем меньше способна контролировать маску безграничного счастья, которую пытается показывать весь вечер. Не получив должного внимания от Артура, Елена переключается на Игната, они переговариваются через стол. Мельком смотрю на Артура. В его руках стакан с бурбоном, а взгляд мечется по посетителям, выискивая кого-то в толпе. Я прекрасно знаю, что значит это выражения лица. Он ищет ту, с кем проведет эту ночь. Не то, чтобы меня это удивляло. Когда столько лет дружишь с тремя парнями, учишься при-

нимать ту их сторону, где они не хорошие мальчики, готовые ради тебя на все, а настоящие мужчины, которым нужно периодически выпускать пар. Это нормально. Но вот, что действительно болезненно, так это мысль, что Зотовы когда-нибудь женятся. Тогда нам с девочками придётся наладить контакт с их спутниками жизни, как и им с нашими. Все просто. Когда ты подросток, в тебе есть вера, что друзья останутся с тобой на всю жизнь, но чем старше становишься, тем больше осознаешь, что наши мечты не всегда совпадают с реальностью. В моих мечтах я – хорошая жена, у меня прекрасные дети. Это то, чего я хочу, как женщина – семью. Но, как бы я не старалась заглядывать в будущее, в нем всегда есть Зотовы и Елена с Марией. Без этого никак.

Артур встречает мой задумчивый взгляд. Мы улыбаемся друг другу, после чего он встает и кидает Игнату короткое:

– Пошли покурим.

Парни уходят, а я усаживаюсь на диван рядом с Еленой и притягиваю Марию к себе.

– Что мы будем делать, когда парни уедут? – спрашиваю девочек, заполняя наши бокалы шампанским.

– Отдыхать. Они меня жутко достали. – притворно усталым голосом говорит Елена.

– Я собираюсь съехать от родителей. Жить с ними просто невыносимо. – озвучивает свои мысли Мария.

– Отец опять заставляет тебя выйти замуж? – начинаю догадываться я.

Мария кивает. Прежде чем мы слышим ответ, она осушает свой бокал до дна.

– Да, на этот раз он сватает меня к своему пятидесятилетнему партнеру по бизнесу. К черту!

Мария бьет ладошкой по столу и тянется к бутылке с шампанским. Я перехватываю её руки, а Елена меняет своё местоположение так, чтобы обнять её с другой стороны.

– Вот же козёл! Я давно тебе говорила переезжай ко мне. – прижимая к себе Марию крепче, говорит Елена.

– И ты тоже, пока твоя мама тебя тоже не заставила замуж выйти.

Последнее предложение уже принадлежит мне, от чего я возмущенно таращусь на Елену через белокурую макушку Марии.

– Меня никто не заставляет!

– Конечно, не заставляет! Она тобой просто манипулирует, чтобы желание выйти замуж за этого Матвея, как будто, принадлежало тебе. – закатив глаза, говорит Елена.

Чтобы остановить наш зарождающийся спор, Мария выпрямляется, загоразивает своим телом Елену и обращает все мое внимание на себя.

– Елена права. – блондинка делает паузу, крепко сжимая мою руку. – Только не обижайся, но ты слишком наивна и совсем не видишь все эти манипуляции.

Возмущённая я опускаюсь на спинку дивана, погружаясь в мысли. Одно дело слышать такие слова от Елены. Она веч-

но говорит все, что взбредет в голову. Мария же действует более осознано, не разбрасываясь словами. Иногда она напоминает мне женскую версию Артура.

– Не злись. Мы хотим, как лучше для тебя. – настойчиво говорит Елена.

Несколько минут мы просто сидим молча, слушая как хочется музыка. Свет в клубе мигает, переливаясь яркими софитами, отчего у меня начинают болеть глаза.

– Пойду подышу, кажется, я перебрала. – схватившись за висок, тихо произносит Мария.

– Мы с тобой? – обеспокоенно предлагаю я.

Подруга лишь отмахивается от нас, поспешно скрываясь в толпе танцующих. Мы с Еленой остаемся вдвоём.

– Я видела, как ты танцевала с Игнатом. – улыбаясь, как чеширский кот, произносит Лена. – Такая эффектная парочка.

Закатываю глаза и тянусь к своей сумочке, проверяя на месте ли телефон, который я на долго оставляла без присмотра.

Черт!

Восемь пропущенных от мамы! Первым порывом было сразу набрать номер матери, а потом я вспоминаю слова девочек и сразу убираю телефон обратно в сумочку. Она прекрасно знает, где и с кем я нахожусь, а значит звонит мне лишь, чтобы читать нотации.

– Вы с Марией когда-нибудь перестанете это делать? –

устало возмущаюсь я.

Елена протягивает мне бокал. Мы чокаемся, залпом опустошая фужеры.

– Делать что? – наивно хлопая ресницами, усмехается подруга.

– Пихать мне Игната. Он же еще ребенок, черт возьми!

– Этот *ребенку* же совсем не ребенок. Он тебе нравится, и меня бесит, что ты отрицаешь это даже перед нами.

Неосознанно я начинаю искать в толпе Игната. Мысли возвращаются к нашему танцу. Мне приходится трясти головой, чтобы избавиться от резко нахлынувшей эйфории.

– Ладно! Он мне нравится. Довольна? У меня ноги подгибаются, стоит ему всего лишь пройти мимо меня. Я чувствую себя, как школьница, рядом с ним. Жалкая влюблённая школьница! – выпаливаю я, не сдержавшись.

Глаза Елены округляются до таких размеров, что, кажется, сейчас выпадут. Она не была готова к моему приступу откровенности. Я кстати тоже к этому готова не была.

– Только что это меняет?! Ему шестнадцать! Да и я с Матвеем...

При упоминании Матвея Елена делает такое лицо, будто её сейчас вырвет.

– Я понимаю, честно. Такое не просто принять, особенно с такой совестью, как у тебя. Но... – Елена делает паузу, обнимая меня за плечи.

– Игнату не будет вечно шестнадцать. Когда-нибудь он по-

взрослеет достаточно, чтобы ты могла снять свои рамки. Вам стоит, как минимум, поговорить друг с другом. Пойми, если чувства настоящие, то они никуда не денутся, будут только расти.

Мигрень накатывает болезненно и мгновенно, отчего я невольно морщусь.

«Так, кажется мне пора домой.»

– Ты, когда пьешь, вечно несешь какую-то философскую херню!

– Боже мой, Виктория Александровна, побойтесь Бога! Вы же будущий учитель!

Мы синхронно смеёмся. Елена начинает ерзать на месте, нервно оглядывая клуб.

– Что ты задумала? – спрашиваю я, потому что прекрасно знаю, что означает это её выражения лица.

– Ну... – тянет подруга, подбирая слова. – Я наконец решилась признаться Артуру.

«Оу, вот же...»

– Елена...

– Нет! Даже не думай меня останавливать. Я признаюсь, и будь, что будет. Не могу позволить ему уехать, не услышав о моей гребаной любви.

Отвожу взгляд в сторону, стараясь смотреть куда угодно, только не на подругу. Елена влюблена в Артура с самого первого класса. За это ей можно сказать большое спасибо, ведь только благодаря этой любви и настойчивости, которой в Ле-

не не уступает никто, мы смогли подружиться с Зотовым. Проблема в том, что эти чувства не взаимны. Совсем не взаимны...

– Елена...

Ещё одна жалкая попытка рассказать правду терпит полный провал. Подруга не слушает меня. Она встает со своего места и уверенной походкой идет на второй этаж, где расположены балконы с видом на весь город. Туда ушёл курить Артур.

Елена очень умная и чрезмерно хитрая девушка. Ей под силу все, что угодно, если только это не касается блондина по фамилии Зотов. Там она проигрывает по всем фронтам. Я обреченно вздыхаю, разглядывая посетителей клуба, с удивлением понимая, что осталась совсем одна. Боль в висках становится все сильнее, и меня начинает клонить в сон.

«Где все?»

Ещё раз устремляю взгляд на танцпол в поиске знакомых лиц. И, к сожалению, нахожу одно. Игнат стоит возле лестницы, ведущей к балконам. Он активно жестикулирует, улыбаясь широкой улыбкой. И все бы хорошо, но вот девушка, которая стоит рядом с ним, портит всю картину. Незнакомка улыбается, ничуть не стесняясь практически виснуть на шеи Игната.

У меня под рёбрами неприятно колит. Я смотрю на парочку, без малейшей возможности отвернуться, как будто глаза разучились моргать, а я шевелиться. Я чувствую такую

злость, какой во мне не было никогда. Хочется подойти и за волосы оттащить эту девку от своего...

От своего кого?! Он просто друг, и я не имею право испытывать что-то подобное!

Как будто почувствовав мой взгляд, Игнат поднимает глаза. Мне требуется вся моя сила воли, чтобы изобразить что-то похожее на улыбку, после чего я сразу хватаю сумочку и спешу на выход из клуба.

Это глупо. Мне надо, как минимум, со всеми попрощаться, но я решаю, что просто напишу смс в общий чат, потому что сейчас мне жизненно необходим глоток свежего воздуха.

Выхожу на улицу, останавливаясь возле дверей. От резкой тишины в ушах ощущается лёгкий гул, и я наконец глубоко вдыхаю прохладный воздух, от чего кожа сразу покрывается мурашками. Достая телефон и вызываю себе такси через приложение.

Теплые пальцы касаются моей оголённой кожи на плечах, как раз в тот момент, когда я убираю гаджет обратно в сумочку. Даже не нужно поворачиваться, чтобы понять, кто стоит за моей спиной. Запах ментола вперемешку с сигаретным дымом и приятная пульсация от прикосновения дают четкий ответ.

– Уходи... – хриплю я полу шепотом.

– Вики, в чем дело? – бархатным тоном спрашивает Игнат.

Мне хочется завывать от отчаяния. Даже звук его голоса зву-

чит для меня особо привлекательно, и я ненавижу себя за эти чувства. Игнат не может сейчас стоять рядом со мной, ведь я полностью себя не контролирую.

– Ни в чем, Зотов! Иди, тебя девушка ждет. – огрызаюсь я, делая несколько шагов в сторону.

Слышу усмешку за спиной. Игнат обходит меня, так чтобы наши лица встретились. Когда я опускаю взгляд, разглядывая свои туфли, он большим пальцем поднимает мой подбородок, вынуждая смотреть на него. Улыбка все еще не сходит с его лица, оставляя на щеках ямочки.

– Ты что, ревнуешь? – выразительно вскинув бровь, спрашивает Зотов.

Я теряюсь от такой наглости. Затуманенный алкоголем мозг не может придумать ничего лучше, чем просто дернуть лицом, избавляясь от его пальцев.

– Кто я такая, чтобы тебя ревновать?

«Браво, Вика! Браво! Шикарный ответ.»

Игнат легко смеётся, снова вставая непозволительно близко ко мне, и кладёт руки на мои щеки с таким видом, будто имеет на это право.

– Ты – это все, что имеет значение... – говорит он низким хриплым голосом.

Эти слова прошибают меня насквозь, словно электрический заряд, как будто он точно знает, что именно я хочу услышать.

– Хоть раз перестать так много думать и наконец сделай

то, чего по-настоящему хочешь.

Волнение, что растет в моей груди с каждой секундой, наконец взрывается, подобно бомбе или ядерному взрыву.

Почему я всё время должна думать о том, что правильно, а что нет?

Почему я просто не могу податься порыву?

К черту!

Я встаю на носочки, касаясь губами его губ. Едва-едва осязаемое прикосновение. Несмотря на то, что внутри меня эмоции бьют через края, я все-таки ещё не потеряла остатки разума, поэтому спешу отстраниться, боясь сгореть дотла. Игнат не дает мне этого сделать. Он хватает меня за талию, притягивая к себе. Наши губы снова встречаются и сливаются в долгожданном поцелуе. Я с жадностью отвечаю, зарываясь пальцами в его волосы. Игнат прижимает меня к себе ещё крепче, когда наши языки соприкасаются. Я полностью теряюсь в этом моменте.

Нет ничего. Только он и я, а ещё дикое желание слиться в одно целое.

Этот поцелуй пробуждает в моей груди что-то, чего я раньше никогда не чувствовала. Единственный мужчина, с которым я целовалась до сегодняшней ночи, был Матвей, но это и близко не может сравниться с поцелуем Игната.

– Подожди... – шепчу я, с жадностью втягивать в себя кислород.

Когда он слегка отстраняется, я держу глаза закрытыми.

В животе разливается жар, и каждый орган внутри меня как будто, взрывается калейдоскопом бабочек. Медленно поднимаю ресницы, я смотрю в его потемневшие глаза.

«Что я наделала?!»

Отстраняюсь от Игната, выставив руку вперёд, чтобы он больше не подходил ко мне, а сама едва перевожу дыхание.

– Что не так? – спрашивает Игнат, недовольный моей реакцией.

– Все не так! – эмоционально отзываюсь я.

– Это неправильно! Боже, мне предложение сделали, а я тут с тобой...

Внутри меня все кипит, кричит. Эмоции кубарем перемешиваются, и я не понимаю, что сильнее: мое признание к самой себе или отчаяние от того, что поцелуй закончился так быстро?

Игнат смотрит на меня с примесью шока и боли. Конечно, я ведь ни слова не сказала, что мне предложили выйти замуж.

– Ты любишь его? – спрашивает он, отводя взгляд в сторону.

Такой простой вопрос, но у меня нет на него ответа. Если бы на самом деле любила, то не могла бы так самозабвенно целовать другого.

– Я не знаю...

Наверно, любой другой на месте Игната уже давно послал меня далеко и надолго. Я жду осуждения или какого-то при-

зрения, но вместо этого он лишь облегченно выдыхает.

– Хорошо, тогда пусть все будет по справедливости.

Игнат отходит от меня, оглядываясь по сторонам как будто что-то ищет. Возле дверей клуба расположены несколько клумб с подстриженными кустарниками. Зотов садиться перед ними на корточки, закрывая спиной обзор. Я озадаченно смотрю на это, не понимая, что происходит. Проходят минуты, прежде чем он поворачивается, с невозмутимым видом подходит ко мне и, не колеблясь ни секунды, опускается на одно колено. Удивленно ахнув, я с широко распахнутыми глазами смотрю на веточку, скрученную в замысловатое кольцо, которое он протягивает мне с серьёзным выражением лица.

– Ты выйдешь за меня? – слова так просто слетают с губ Игната, что, кажется, он говорит их постоянно.

Смех вырывается наружу, из-за чего мне приходится прикрыть рот ладонями. Игнат сам еле сдерживает улыбку, и от этого становится ещё забавнее.

– Ты что делаешь? Вставай немедленно! – протестую я, не прекращая улыбаться.

– Неправильный ответ. Я не встану, пока не услышу что-то получше.

Он выразительно играет бровями.

– Сейчас кто-нибудь увидит. Хватит издеваться! – уже серьезнее говорю я, оглядываясь по сторонам.

Улица выглядит пустой на первый взгляд. Присмотрев-

шись получше, я вижу вдалеке чей-то силуэт, но он быстро сливается с ночным полумраком.

– Я серьезен как никогда. – бросает Игнат с усмешкой.

Я пытаюсь поднять мальчишку, но он лишь отмахивается от меня, упрямо протягивая импровизированное кольцо.

– Хорошо, только встань! – уступаю я, понимая, что нелепо улыбаюсь.

Игнат улыбается победной улыбкой и надевает на мой безымянный палец украшение. Оно немного велико, но все равно каким-то чудом держится и выглядит даже очень надежно.

– Ты напился или просто псих! – возмущаюсь я, хотя прекрасно знаю, что в отличии от Марка, Игнат не пьет спиртное.

– Ты же понимаешь, что это ничего не значит?!

– Я не вижу на твоём пальце другого кольца, только мое, так что это значит многое.

Конечно, не видит, потому что Матвей не дарил мне кольцо и на колено тоже не вставал...

– Игнат...

Зотов касается моих губ указательным пальцем, не давая ничего сказать.

– Не отвечай мне сейчас. Я чертов эгоист раз прошу тебя о таком. Но если ты хоть что-то чувствуешь ко мне, откажи Матвею.

Я как заморожённая слушаю Игната. Глупое сердце откли-

кается на его слова, умоляя меня согласиться на все, что он просит.

Телефон в моей сумочке издаёт звук, оповещая о прибытии такси. Оглядываюсь по сторонам, выискивая свой спасительный транспорт.

– Я откажу Матвею, но не думай, что это что-то меняет между нами. Пока тебе не исполнится восемнадцать, я к тебе и на миллиметр не пойду.

– До такси хоть провести можно? – посмеиваясь спрашивает Игнат.

– Только держи дистанцию. – серьёзным того отвечаю я, пряча улыбку.

Он действительно отходит от меня на приличное расстояние. Мы молчим, пока не доходим до машины. Игнат открывает мне дверь, даже не глядя в мою сторону. Я сажусь и не успеваю никак отреагировать, когда он, удерживаясь одной рукой за крышу транспорта, нагибается и оставляет лёгкий поцелуй на моих губах.

– Вот теперь я готов подождать два года. – дерзкая улыбка появляется на лице Игната.

– Увидимся в аэропорту. – кидаю я, захлопывая дверь прямо перед его носом.

Только когда силуэт Игната остаётся далеко позади, я позволяю себе довольно улыбнуться. Взгляд падает на кольцо, и необъяснимое тепло греет меня изнутри.

На удивление, мне становится легко и комфортно. До тех

пор, пока моя нога не переступает порог родительского дома.

7 глава.

7 глава.

Игнат.

– Какого хрена?! – восклицает Марк, как только внедорожник Артура выезжает с парковки гимназии.

Я закрываю глаза, опуская голову на мягкую обивку сидения. Это кажется плохой идеей, потому что в моем сознании сразу всплывает образ Матвея, целующего Вику. Ладони непроизвольно сжимаются в кулаки, и приходится дышать через нос, чтобы унять гнев, который горит в каждом миллиметре моего тела.

– Вы собираетесь мне объяснить, что, черт возьми, сейчас произошло, потому что я не хрена не понял! Почему Лесков смотрел на Артура так, будто хочет убить? И что за ужин ты собираешься провести? – продолжает тараторить мой близнец на заднем сидении.

Я поворачиваюсь лицом к старшему брату. У него невозмутимый вид, серьезный взгляд устремлен на дорогу, и только пальцы, сильно сжимающие руль, выдают его истинные эмоции.

– Мы с Матвеем никогда не могли найти общий язык. Он

всегда ревновал Вику ко мне. – просто отвечает Артур, перестраиваясь на другую полосу.

Когда Вика только начинала встречаться с Матвеем, она несколько раз предпринимала попытки подружить нас, но ни одна не увенчалась успехом. Матвей на отрез отказывался с нами общаться и даже старался запретить Вике проводить с нами время, но тогда она еще выбирала нас и нашу дружбу, поэтому ей приходилось часто врать.

– Этому Матвею не мешает высунуть свою голову из задницы. Тогда бы он понял, что ревновать надо не к Артуру. – усмехается Марк.

Губы растягиваются в самодовольной улыбке. Лесков даже не догадывается, где провела ночь его жена. Хотелось бы мне рассказать этому ублюдку, как Вика прижималась ко мне, как ее дыхание успокаивалось рядом со мной, и если бы он хоть что-то знал о Виктории, то смог бы легко догадаться, кто его настоящий соперник. Это было видно по ее взгляду, который полностью принадлежал мне.

– Для чего тебе этот ужин? – наконец спрашиваю я, повернувшись корпусом к Артуру.

– Во-первых, он нужен нашей семье. Мы два года забивали хер на семейный бизнес. Этот ужин станет громким заявлением, что Зотовы снова при делах. – спокойно отвечает старший брат, легко маневрируя меду машинами.

Я наклоняю голову, позволяя себе изучить Артура. Чтобы он не говорил, ужин был придуман спонтанно, потому что

Матвей его взбесил. Но Артур был бы не Артуром, если бы не смог найти выгоду даже в своем необдуманном поступке.

Марк подаётся вперед, так что его черноволосая макушка втискивается между нами. Близнец посылает Артуру возпросительные взгляды, намекая чтобы он озвучил все свои мотивы.

– Во-вторых, я планирую на этом ужине поговорить с Вики. Лариса ясно дала понять, что не хочет, чтобы мы даже дышали в сторону ее дочери. Если бы гимназия не принадлежала мне, то вас точно не отправили в классное руководство Вики. На ужине мы сможем поговорить без посторонних. – объясняет Артур, поджимая губы, а между бровей ложиться складка.

– Куда деть Матвея? – быстро спрашиваю я, пока Марк не успел открыть рот.

Артур отрывает глаза от дороги и одаривает меня тяжелым обдумывающим взглядом.

– Бизнес Матвея последние два года находится на грани разорения, а он человек достаточно алчный, чтобы забыть о личной неприязни, когда на горизонте маячит выгодное предложение. Ему будет совершенно не до Вики, если предложить что-то стоящее. – отвечает Артур с лукавой улыбкой.

– Отец... – выдыхаю я, понимая к чему клонит брат.

Полностью расслабляюсь на сиденье, хаотично обдумывая, как уговорить папу на эту авантюру.

– Алло! Я все еще здесь и все еще не черта не понимаю!

– возмущается Марк, размахивая руками для привлечения внимания.

– Отец поможет отвлечь Матвея, пока мы будем разговаривать с Викой. – объясняет Артур.

Мы выезжаем на дорогу, ведущую к нашему особняку, и я сразу высматриваю машину Тимура, начальника нашей службы безопасности. Она стоит на месте, а значит папа тоже дома, ведь он никуда не выходит без своего охранника.

– Не проще запереть ее в классе и устроить допрос? – скрещивая руки на груди, спрашивает Марк.

– В гимназии так сделать не получится. Лариса не даст нам остаться наедине, да и Вика не захочет разговаривать. – паркуя машину на привычное место, вздыхает Артур.

– Блять, вы серьезно?! Мы уже пробовали с ней разговаривать! Она не хочет. К чему унижаться?! – возмущается Марк, хотя в голосе чувствуются нотки заинтересованности.

Артур заглушает двигатель и поворачивается к моему близнецу.

– Потому что я не верю ни единому ее слову. Я знаю Виду дольше, чем ты, и чувствую, что есть что-то, чего мы не знаем. С момента нашего отлета вся история девочек не дает покоя. У меня не было сил и времени заниматься этим раньше, но теперь, когда мы вернулись, я докопаюсь до правды и верну... Всех.

Анализирую услышанное, осматривая старшего брата изучающим взглядом. Мы не обсуждали эту ситуацию. Два

года в Израиле пролетели для меня как один миг. Я разрывался между болезнью мамы и домашним обучением. Да и Артур никогда не комментировал, что собирается делать дальше. Грубо говоря, я и Марк смирились с решением девочек. Мы приняли как должное факт того, что они не общаются не только с нами, но и друг с другом. Елена уехала путешествовать. Мария решила съехать от родителей и начать новую жизнь в другом городе. А Вика... Она вышла замуж и, по словам её матери, выбрала жить с мужем без нашего участия. На вопрос, как прекратилось общение между девочками, они отвечали размыто и не уверенно, что просто так вышло. Мы не копались в этом, и сейчас я первый раз слышу от Артура, что эта тема не давала ему покоя.

– Хорошо, я согласен на счет Елены и Марии, но Вика... – Марк возмущенно кривит лицо. – Ты серьезно хочешь забыть её молчание? Где она была все эти два года, когда мама умирала, когда ты унижался перед Ларисой, прося её уговорить Вику попрощаться с мамой? Я никогда не забуду, что она нам ответила: *это больше не мое дело!*

У меня в груди щемит от слов Марка. Болезненное воспоминание снова всплывает в голове. Я никогда не забуду, как Артур звонил Ларисе и просил дать нам услышать Вику, потому что мама хотела попрощаться. Брат смог уговорить эту женщину, и она сказала, что передаст Вике последнюю просьбу, а потом перезвонила через полчаса и объявила, что Виктории все равно. Мама умерла, так и не попрощавшись

с той, кого считала своей дочерью. Поэтому я могу понять Марка. За это я никогда не прощу Вику.

– Это ответила не Вика, а её мать. – спокойно отвечает Артур, игнорируя всплеск эмоций от Марка.

– Пока я не услышу от Вики эти же слова, для меня они не больше, чем ложь.

Удивленно вскидываю брови и кидаю на брата взгляд, который он полностью игнорирует, ведь смотрит только на Марка.

Я не думал об этом.

Черт!

Конечно, мне будет намного легче знать, что Лариса обманывала нас на протяжении двух лет. Однако какой в этом смысл? Не то, чтобы мать Вики была нашим фанатом, но все-таки нескольких лет наши семьи тесно общались. Да и опять же для чего Ларисе врать? По виду Артура могу с уверенностью сказать, что именно об этом он думал на протяжении всего нашего отсутствия. Только вот есть деталь, которую мой старший брат, да и никто, кроме нас с Викой не знает. Наш поцелуй.

– А ты что молчишь? – спрашивает Марк и пинает ногой мое сиденье.

Не получив от меня ответа, он протискивается между сидениями, чтобы взглянуть на меня. Я игнорирую его действие, снова прикрывая глаза.

– Ответь мне, брат, что за хуйня твориться между тобой

и Викой? Понятное дело, ты пускал на нее слюни с тех пор, как твой член начал функционировать, но Вика... Она всегда держала дистанцию, а сегодня смотрела на тебя, как будто ты единственный мужик во Вселенной, хотя вы не виделись два гребаных года! И это наталкивает меня на определённые мысли, что ты, брат мой, чего-то не договариваешь. – при-торно сладким голосом говорит Марк мне прямо на ухо.

Еще один пинок по моему сиденью вынуждает меня открыть глаза. Артур смотрит на меня задумчиво и видно, что этот вопрос его тоже интересует, а вот глаза Марка посылают в меня ядовитые стрелы.

– Я целовался с Викой на нашей прощальной вечеринке... – отворачиваясь от братьев, произношу я.

Слышу, как Марк материться и плюхается обратно на свое сиденье. Артур сердито бьет ладонью по рулю.

– Ты серьезно рассказываешь нам об этом только сейчас? – гневно шипит старший брат.

Тянусь к карманам фирменных брюк и достаю пачку сигарет. Протягиваю по одной Марку и Артуру, после чего мы открываем окна и выпускаем облака серого дыма, отвернувшись друг от друга насколько позволяет габариты машины.

– Я хотел забыть. Проще было совсем не вспоминать, чем копать в этом. – произношу я, делая очередную затяжку.

В машине стоит гробовая тишина. Я не считаю наш поцелуй причиной ее молчания. Во-первых, я ее не заставлял. Она хотела этого так же сильно, как и я. Во-вторых, когда я

узнал, что Виктория все-таки вышла за Матвея, хотя сказала мне, что не сделает этого, для меня она перестала существовать. Точнее я хотел так думать, до того самого дня, когда вышел из самолета, вернувшись в родной город.

– Мы разберемся с этим. Надо только уговорить отца нам помочь. – наконец произносит Артур, первым нарушая затянувшееся молчание.

– Ну, теперь хоть понятно, откуда эти влюбленные взгляды! – фыркает Марк.

– Взгляд – это ничто... – выбрасывая окурок, произношу я.

– Взгляд – это все. – усмехается старший брат, вынуждая меня посмотреть на него.

– Глаза говорят правду там, где язык лжет.

Я быстро прячу хмурый взгляд и покидаю автомобиль. Все эти метафоры не для меня. Мне бы хотелось знать наверняка, а не ориентироваться на взгляды. Хотя думаю, у Вике, как и у меня, нет ответа на простой вопрос: что между нами? Это не любовь, уж точно. Любовь... Она другая. Просто, когда мы рядом, притяжение между нами становится почти осязаемым, и раз это единственная причина, то я легко смогу с этим бороться. По крайней мере стоит попытаться...

– Пошли поговорим с отцом. – бросает Артур, первым заходя в дом.

Больше не переговариваясь, мы втроем идем прямо в комнату папы. За все эти три дня с момента нашего возвраще-

ния отец выходил из своей спальни всего один раз и только для того, чтобы съездить в офис.

В спальне стоит полумрак из-за задвинутых темных штор. Лишь свет лампы освещает пространство. Отец сидит за своим рабочем столом, склонившись над рисунками, и даже сначала не обращает на нас внимание. Марк и Артур сразу направляются к окнам, чтобы впустить в комнату свет и свежий воздух. Я подхожу к отцу и аккуратно сжимаю его плечо, привлекая внимание. Сначала папа обводит нас растерянным взглядом, а потом откладывает карандаш в сторону. Бросаю взгляд на рисунки и довольно улыбаюсь. Главный бизнес моей семьи – это ювелирные украшения. У папы есть свой бренд, и он сам рисует эскизы для будущих изделий. После смерти мамы отец погрузился в работу с головой. Он днями напролет занят рисунками, а Артур делает все, чтобы его эскизы стали реальностью. К сожалению, нам с братьями не передался талант к такому творчеству, но надо признать, что отец лучший в своем ремесле.

– Папа, ты ел? – тут же спрашиваю я.

Отец тепло улыбается и лишь кивает. Морщины на его лице отчетливо выделяются. Слишком резко он постарел, и я никак не могу к этому привыкнуть.

– Нам нужна твоя помощь. – переходит сразу к делу Артур.

Пока мы рассказываем наш план и какая роль отведена именно ему, папа внимательно слушает, не проронив ни сло-

ва. И лишь когда Артур замолкает, отец встает со своего места, направляясь к окну. Проходят минуты, прежде чем мы слышим его спокойный голос.

– Артур, Марк, оставьте меня с Игнатом наедине.

Братья кидают на меня возмущенные взгляды, но все же сразу встают и молча покидают спальню. Отец молчит, и мне приходится смотреть на его спину. От этого становится как-то неуютно.

– Ты знаешь, что я отношусь к Вике, как к дочери? – спрашивает отец, но это больше звучит как утверждение.

– Конечно.

Отец не знает о том, что случилось между мной и Викторией. Мама часто обманывала его, говоря, что Виктория звонит ей, но из-за замужества не может делать это так часто. Но со временем даже он начал понимать, что что-то не так.

– Я помогу вам. Однако мне не нравится мысль, что ты собираешься бегать за замужней девушкой.

Я хмурюсь, подходя к отцу ближе. Он переводит взгляд, который прожигает во мне дыру. Пусть папа и не был вовлечен во все детали нашей жизни, но он определенно знает больше, чем мне бы хотелось.

– Отец, я не буду бегать за женщиной, которая любит другого. Но я сделаю все ради той, кто на протяжении долгих лет была частью нашей семьи.

Папа кивает, а я перевожу взгляд в окно, наблюдая за нашим садом, где садовник занят своими прямыми обязанно-

стями. Тяжелый взгляд прикован ко мне, но я не могу смотреть на отца. Просто не выдержу этот взгляд, который, кажется, знает каждый угол моей души.

– Я надеюсь влюбленность в Вику не мешает тебе забыть эти слова. – тихо произносит папа.

Из-за всех сил сдерживаюсь, чтобы не материться.

«Почему все так уверены, что я все еще влюблен в нее?!»

Я даже сам себе в этом признаться не могу, а вся моя семья будто знает это лучше меня.

– А что такое любовь? – так же тихо спрашиваю я, наконец поднимая глаза.

– Я не уверен, что знаю. Для меня это то, что было между тобой и мамой, но у нас с Викой все по-другому. Меня тянет к ней, это бессмысленно отрицать, но любовь... Нет, это слишком громкое слово.

Напряжение стягивает лоб отца, прежде чем он легко посмеивается.

– Сынок, мама была не единственной женщиной, которую я любил. До нее была еще одна. Я был в твоём возрасте и верил, что мы с ней на всю жизнь вместе. Однако все оказалось не так просто. Я был разбит, уничтожен и, казалось, никогда не смогу полюбить снова, пока не встретил твою маму. Вот тогда я только смог точно понять, что такое любовь. Поверь, ты это не с чем не спутаешь.

Удивленно таращусь на папу, шокированный полученной информацией. Он никогда мне об этом не рассказывал, да

и мама тоже. Поэтому я наивно верил, что они были единственными друг у друга. Родители поженились, когда отцу только исполнилось девятнадцать, а маме – двадцать один, и после они не расставались ни на минуту. Их любовь для меня пример для подражания, то, чего я хочу себе в будущем. Может Вика в моей жизни тоже лишь на время, пока я не встречу ту самую?

– Пап, спасибо, что поделился и согласился помочь.

Наверно, это не тот ответ, который он хотел услышать, но я слишком дезориентирован, чтобы реагировать по-другому. Папа дарит мне усталую улыбку, и прежде чем покинуть его спальню, мне кажется, что в его глазах зарождается какой-то необъяснимый огонек.

Через тридцать минут мы с братьями встречаемся в моей комнате. Артур расхаживает по комнате, нервно теребя свой галстук. Я уже привык к этому движению, как и к тому, что он носит свой костюм-тройку на постоянной основе. Порой мне кажется, что он и спит в нем. Марк сидит за моим столом, небрежно закинув ноги на деревянную столешницу. Он не стал заморачиваться с одеждой и просто стянул с себя рубашку, обнажая свои замысловатые татуировки на груди и руках. Иногда, глядя на него, мне хочется набить еще тату, но пока треугольники на запястье единственный рисунок на моем теле. А вот у Артура под строгим костюмом спрятаны следы его веселой молодости. Правая рука старшего брата полностью забита, от плеча до запястья. На левой же руке

только треугольники.

– Давай уже! – нетерпеливо фыркает Марк, постукивая пальцами по столу.

Зачем-то киваю и усаживаюсь за стол рядом с близнецом. Артур скрещивает руки на груди, наблюдая за мной. Я достаю свой мобильник и, набрав нужный номер, включаю громкую связь.

Звучат три гудка, прежде чем мы слышим знакомый голос.

– Плейбой! – тянет Елена веселым голосом. – Соскучился?

Я усмехаюсь.

– Конечно. Как ты?

Мы слышим непонятную возню в динамике телефона, прежде чем снова раздаётся голос подруги.

– Лучше всех, но никто не завидует. – секундная пауза. – Ты что, поставил меня на громкую?

Бросаю быстрый взгляд на Артура, на что он лишь качает головой.

– Я потягиваюсь. – оправдываюсь и перевожу тему.

– Мы встретились с Викой.

На этот раз пауза затягивается. Слышно, как Елена шумно вздыхает.

– Она написала мне вчера. Просила приехать. Я пыталась ей дозвониться, но телефон снова не доступен.

Переглядываюсь с братьями, замечая удивление на их ли-

цах. Значит, когда Вика была в нашем загородном доме, она писала Елене...

– Так может ты уже перестанешь заниматься херней и приедешь? – раздражённо выдыхаю я.

– Конечно, приеду, плейбой. Дай мне еще немного времени решить свои проблемы, и я вернусь.

– Лен... Давай мы тебе поможем...

– Игнат! – тут же перебивает подруга.

– Я не гребаная принцесса в замке! Свои проблемы я решу сама.

Я киваю, прищурив глаза, как будто она может это увидеть. Давно пора перестать предлагать ей помощь. Ее ответ всегда одинаковый, хотя я даже понятия не имею, какие именно у нее проблемы.

– Что там с Викой? – тихо спрашивает Елена.

– Ничего. Она отказалась с нами разговаривать.

– Блять! Я приеду и надеру ей задницу, просто подожди. – нервно выдыхает Лена.

Губы растягиваются в улыбке, и я даже ни секунды не сомневаюсь, что она так и сделает.

– Лен, я просто не понимаю, какого хрена?! Объясни мне, ты же виделась с ней после той вечеринке?

Наступает тишина. Каждый мускул в моем теле напрягается, ожидая ее ответа.

– Да... – наконец отвечает она, отчего я сразу подрываюсь со своего места.

– Но я ничего не знаю о ее решении не общаться с вами. Вика мне об этом не говорила.

Самоконтроль покидает меня, отчего Артуру приходится сжать мое плечо, чтобы я не вышел из роли.

– Елена, я тебе перезвоню, меня Артур зовет.

– Оу... Пока-пока.

Елена бросает трубку, что для меня совсем неудивительно. Она совсем не хочет общаться с моим старшим братом. Эти два года Елена была единственной из девочек, кто нормально поддерживал с нами связь, но я могу по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз она разговаривала именно с Артуром.

– Игнат... – вырывает меня из купола мыслей голос Артура.

Я не смотрю на братьев и озвучиваю то, что они и так уже поняли.

– Они нас обманули.

8 глава.

8 Глава.

Виктория.

Я с нетерпением смотрю на настенные часы. Кажется, минутная стрелка совсем не двигается. Время тянется со скоростью улитки. Еще целых двадцать минут до конца урока. Кто бы мог подумать, что учителя так же, как и ученики с нетерпением ждут окончания этой каторги. Хотя должна признать, что присутствие Игната и Марка в классе является главным фактом такого отношения к моей должностной обязанности. Прошла ровно неделя с нашего разговора у парковки и ровно ноль слов, которые мы сказали друг другу. Артура я больше не видела, а вот с близнецами приходится встречаться почти каждый день, иногда даже по несколько раз. Зотовы не обращают на меня внимания. Я же в свою очередь стараюсь вести себя так, будто их вообще нет. Даже вопросы по школьной программе не слетают с моего рта в их адрес.

И это прекрасно. Все, как я хотела.

Где-то на поверхности разума тихий назойливый голос говорит мне, что я гребаная лгунья, которая в очередной раз обманывает саму себя. Но если бы я хоть иногда прислуши-

валась к этому голосу... Кто знает, может быть в моей жизни было бы меньше проблем?

– Виктория Александровна, можете подойти? – подняв руку, говорит одна из моих учениц.

– Ангелина, это сочинение, и ты должна писать его сама – отвечаю механическим голосом, не отрывая глаз от своего рабочего стола.

На самом деле я создаю вид, что занята работой, когда по факту тупо пялюсь в журнал, поглощенная своими мыслями. Я не собираюсь подходить к своей ученицы только потому, что ее место находится параллельно парте Зотовых, а это значит оказаться прямо рядом с Игнатом. Нет, уж, спасибо.

– Блин, как мне писать сочинение, если я вообще не понимаю, почему эта дура Каренина выбрала Вронского?! – возмущенно высказывается ученица, вызывая смешки в классе. – Я могу написать, что она просто шалава?

От такой наглости я поднимаю взгляд, сразу же встречаюсь с серебряными глазами, которые внимательно следят за мной. У меня резко пересыхает во рту. Первый раз за неделю, когда Игнат так открыто смотрит в мою сторону. Его взгляд внимательный и прожигающий, как будто он смотрит не на мою внутреннюю оболочку, а разглядывает меня изнутри.

– Иногда так бывает, что чувства есть, а смысла в них нет. – тихо произношу я, осевшим голосом.

Мои глаза прикованы к Игнату. В кабинете стоит тишина,

поэтому я уверена, что он меня точно услышал, как, в принципе, и все присутствующие в классе.

– Порассуждай на эту тему в своем сочинении. Только не вздумай писать про женщину лёгкого поведения. – взяв себя в руки произношу я, переводя наконец-то взгляд на ученицу.

По классу снова разлетаются смешки, отчего мне приходится постукивать ручкой по столу, призывая к тишине.

Минут пять я стараюсь смотреть куда угодно, кроме сероглазого Зотова, но слишком быстро сдаюсь. Чувствую себя каким-то наркоманом. Поймав один раз взгляд Игната, мне нужно еще.

Он сидит за своей партой в расслабленной позе, сцепив руке в замок, и смотрит в окно. Рядом с ним Марк, который старательно пишет в своей тетради. Его сосредоточенное выражение лица вызывает во мне улыбку, хотя я не буду удивлена, если в своем сочинении именно он напишет, что Каренина... женщина с низкой социальной ответственностью.

– Зотов, ты уже закончил? – выгнув бровь спрашиваю я, стараясь излучать мировое спокойствие.

Игнат удивленно смотрит на меня. Кажется, он не верит, что вопрос адресован именно ему. Конечно, это первые четыре слова, которые я добровольно сказала за прошедшую неделю.

– Да. – отвечает он, прокашливаясь.

– Принеси тетрадь. – безэмоционально произношу я, разорвав наш зрительный контакт.

Слышу его уверенные шаги, равнодушно перелистывая журнал уже в сотый раз. Игнат протягивает мне тетрадь и усмехается, когда я осторожно забираю её, стараясь не соприкоснуться с ним пальцами. Прежде чем я успеваю что-либо сделать, он кладёт свою руку поверх моей. Ощущаю покалывание в каждом нервном окончании.

– Я не кусаюсь, Виктория... Александровна. – тихо говорит Игнат.

Дерзкая улыбка появляется на его лице, на которую я невольно засматриваюсь на мгновение. Выдергиваю руку из хватки, немного помяв несчастную тетрадку. Улыбка на лице Игната становится ещё шире. Я растерянно приоткрываю рот, чувствуя, как заливаюсь краской. Мой план изображать равнодушие с грохотом проваливается.

Когда он успел стать таким? Конечно, Игнат с детства был чрезмерно самоуверенным, но это воспринималось мной как что-то безобидное и подростковое. Сейчас же эта черта выглядит через чур опасной, но и притягательной одновременно. Уверенность читается во всем: в манере держаться, в выборе слов, в каждом движении, чему можно только позавидовать. Хотела бы я так чувствовать себя рядом с ним.

– Садись. – моя просьба граничит с приказом.

Прежде чем вернуться на своё место, Игнат слегка поворачивает голову набок, издавая всплеск беззвучного смеха. Как будто точно знает, что я притворяюсь хладнокровной, и, судя по его реакции, притворяюсь очень плохо.

– Прочтите, Виктория Александровна, очень хочу послушать вашу реакцию. – говорит он низким хриплым голосом.

Сразу обвожу класс взглядом, проверяя видел ли кто-то эту сцену. Ученики заняты своими сочинениями, им не до нас. Сдержав облегчённый вздох, посылаю Игнату самый убийственный взгляд из всех возможных. Моя реакция его только веселит, отчего я еще больше злюсь. Когда Игнат наконец уходит, я смотрю ему вслед, постукивая ручкой по столу, и сразу же встречаюсь со взглядом Марка, который даже не пытается скрыть насмешливой улыбки. Он подпирает кулаком подбородок и подмигивает мне, намекая, что все видел и понял.

Что за смена настроения в их поведении? Целую неделю Игнат и Марк игнорировали мое существование, как и я их, а теперь... Если они и дальше продолжит так делать, то у меня могут начаться проблемы. Хорошо, что это не заметил никто из учеников...

Снова приняв невозмутимый вид, открываю тетрадь, внимательно вчитываясь в текст, не забыв отметить, какой у него аккуратный почерк.

«Писать сочинение, когда ты сидишь в нескольких сантиметрах от меня, самая извращенная пытка из всех возможных. Я не могу сосредоточиться, а мысли только о том, что я вынужден делать вид будто мы незнакомцы. Должен контролировать каждый взгляд, чтобы никто не смог понять, что я знаю тебя слишком хорошо. Например, мне из-

вестно, что ты на протяжении сорока минут притворяешься, что работаешь. На самом деле сидишь, погрузившись в себя. Или как ты смотришь на меня, когда думаешь, что я этого не вижу. Как старательно делаешь вид, будто тебе плевать на... нас. Это странно, и я не уверен, что могу продолжать играть по твоим правилам. Потому что единственное, чего я хочу, глядя на тебя, это снова иметь возможность пообщаться с тобой, как раньше...

Знаешь, раньше я любил смотреть как ты улыбаешься. Ты это делала постоянно, чем напоминала солнце. Как будто одним движением губ способна разогнать всю темноту в этом мире. С момента, как мы вернулись, я еще ни разу не видел твою улыбку. Куда же она пропала? Ты всегда была для меня не просто красивейшей девушкой из всех, кого я встречал в своей жизни, ты была чем-то большим. Твоя любовь к жизни вселяла в меня веру в этот мир. Рядом с тобой хотелось жить и наслаждаться каждым моментом. Раньше... а сейчас в тебе больше не осталось того света, что грел не только меня, но и всех нас.

Позвони мне, когда надоест притворяться живой.»

Ниже прописан номер телефона. Он необязателен, так как я знаю эти цифры наизусть, ведь за два года Игнат так и не поменял номер.

Тишина в кабинете оглушает, но громкий крик взрывается у меня в голове. Так мое сознание реагирует на каждое написание слово. Я перечитываю этот текст несколько раз, ед-

ва переводя дыхание. Усмирить беспорядочные удары сердца не получается. Сделав глубокий вздох, смотрю на Игната. Наши глаза снова встречаются, и, кажется, между нами взрывается бомба. Это просто невыносимо! Я точно не смогу игнорировать его, если он продолжит в таком духе.

– Игнат, мне придется поставить тебе два. – говорю я, пытаясь ничего не выдать своим голосом.

Игнат пожимает плечами, переключая своё внимание на близнеца. От меня не скрылось, как его губы дрогнули в улыбке, которую он быстро спрятал. Близнецы невозмутимо переговариваются, пока не звенит звонок, от которого я чуть не подпрыгиваю на месте.

– Пожалуйста, сдаем тетради и не забываем на выходном о домашнем задании. В понедельник буду спрашивать каждого. – громко объявляю я, стараясь перекрычать гул голосов, образовавшийся в классе.

Не думаю, что они слушают, да и честно меня это не особо волнует. Пока ученики прощаются, оставляя на столе свои сочинения, я высматриваю близнецов. Больше не могу это терпеть. Молчание убивает меня, а желание поговорить с ними намного сильнее, чем можно признаться, но я не заговорю первая, как бы сильно не хотелось.

Наблюдаю, как Ангелина, одна из моих учениц, подходит к Игнату. У них завязывается беседа, отчего я не могу перестать кидать взгляд в их сторону.

– Ты убьешь её взглядом. – раздаётся тихий голос Марка.

Поглощенная мыслями, я даже не замечаю, как он появляется возле моего стола с закинутым на плечо рюкзаком.

– Прости?

– Бог простит. – быстро кидает он мне.

Удивленно моргаю, сама не замечая, как губы растягиваются в сдержанной улыбке.

– Ты такая милая, когда стараешься. – тихо добавляет Марк, немного нагнувшись через мой стол.

В классе не остаётся никого, кроме меня, Марка и Ангелины с Игнатом, но последние увлечены беседой и не обращают на нас внимание.

– Стараюсь... что? – спрашиваю я, пытаюсь уловить суть диалога.

Марк широко улыбается, отчего мне хочется сделать тоже самое. Все-таки я рада, что он наконец-то со мной разговаривает, пусть даже если я не понимаю смысл.

– Не показывать свою ревность. У тебя это всегда отстойно получалось. – объясняет Зотов, отчего я сразу хмурюсь.

– Готов поспорить, тебе стоит только поманить моего брата своим красивым пальчиком, как он бросит её, не моргнув и глазом.

Теряюсь еще больше, удивленно хлопая ресницами. Сколько времени бы не прошло, Марк не изменяет себе. Он не меняется, как и его дурацкие шуточки.

У меня не получается ответить, так как дверь в кабинет открывается, и директриса появляется перед нами. Марк тут

же реагирует, выпрямляясь как оловянный солдатик. Мама обводит класс взглядом, задержавшись на мне и Марке.

– В чем дело? Урок уже закончен. – строгим голосом произносит директриса.

Зотовы обмениваться понятными только им взглядами.

– По вам часы можно сверять. – усмехаясь произносит Марк, полностью проигнорировав ледяной взгляд моей мамы.

Я чувствую на себе прожигающий взгляд Игната, пока делаю вид, что раскладываю тетради в ровную стопку, как будто это самое интересное занятие в жизни. Мама стоит посреди кабинета, скрестив руки на груди, наблюдая за близнецами, пока те не скрываются за дверью.

– О чем вы разговаривали? – тут же спрашивает мама.

Я морщу нос, качая головой, уже понимая, что она скажет дальше. Мама терроризирует меня с начала рабочей недели. Любой урок, которой я провожу у Зотовых, проходит под её зорким взглядом. Она приходит после каждого занятия, проверяя, чтобы я не нарушала обещания. Конечно, Зотовы нетупые и все сразу поняли, от этого и комментариев от Марка.

– Мы разговаривали о сочинении. – глядя прямо в глаза матери нагло вру я. – Это же моя обязанность.

Пытаюсь быть вежливой, но внутри кипит злость, поэтому слова звучат слишком резко. Мама все замечает и только плотнее сжимает губы, отчего мне хочется дать себе затре-

щину. Конечно, я понимаю, что мама просто беспокоиться, но ходить за мной по пятам... это уже через чур.

– Мама, – осторожно говорю я, вставая из-за своего рабочего места. – Тебе не обязательно посещать каждое занятие, чтобы проверять меня. Я держу своё обещание.

Мама закусывает губу, а между бровей ложиться морщина. Я тянусь к её руке, мягко сжимая. Что-то в её сегодняшнем настроении начинает меня беспокоить. Она долго молчит, прежде чем звучит её тяжёлый голос.

– Как я могу быть спокойной? Артур не дает мне перевести тебя или близнецов в другой класс! – отчаянно произносит мама, изучая меня пристальным взглядом.

– Разве можно успокоиться, зная, что *этот мальчишка* вертится вокруг тебя?

– Мама! – восклицаю я, не выдержав. – У нас был всего один поцелуй. Только поцелуй. Я была пьяна и ужасно жалею об этом. Прошло уже два года! У Игната явно нет проблем с женским вниманием, а ты создаешь проблему на пустом месте.

Слова слетают с губ легко, я даже могу контролировать лицо, которое так и норовит скривиться от последнего предложения. Мама изучает меня скептически, явно ищет подвох. Я отвечаю на её взгляд, немного вздернув подбородок.

– Я хочу верить в твои слова, милая... – нежно отвечает мама, похлопывая меня по руке. – Однако реальность не такая, как ты меня убеждаешь. Матвей жалуется на тебя, гово-

рит, что ты перестала проводить с ним время после возвращения... Артура.

Прежде чем произнести имя Зотова, мама прокашливается, глядя на меня. Ей известно, к кому именно ревнует меня муж. Мама поддерживает мое вранье, говоря, что лучше пусть это будет Артур, чем Игнат, которому едва исполнилось восемнадцать.

«Яблоко от яблони, как говорится. Зато я точно знаю, в какого у меня такой дар к вранью.»

Конечно, информация, что Матвей обсуждает меня с моей матерью, не новость. За все время нашей семейной жизни он делает это постоянно, теперь у него хотя бы есть настоящий повод.

– Думаю тебе стоит подумать об уходе по собственному желанию. – монотонно протягивает мама. – Будешь больше времени проводить с мужем. Матвей сможет вас обеспечить.

Из меня вырывается смешок, но он быстро пропадает, когда я смотрю в серьёзные глаза матери. Высвобождаю свою руку, отступая назад.

– Что?

– Милая так будет лучше для всех. Ты отдохнешь от работы, будешь больше проводить времени с Матвеем. Может даже подарите мне внука.

Складки вокруг глаз матери углубляются, а уголок рта приподнимаются в нежной улыбке. Естественно, она хочет внуков, но я не хочу детей, особенно от Матвея, и надеюсь,

что этого не будет... *Никогда.*

— Если Артур не позволяет тебе перевести меня в другой класс, то думаешь он позволит уволить меня? — недоверчивым тоном протягивает я, стараясь перевести тему.

— Он не имеет право вмешиваться!

Брови матери взлетают вверх, затем сходятся на переносице.

— Если ты подпишешь заявление по собственному желанию, он не посмеет мне помешать.

Мое лицо непроизвольно искажается от раздражения, отчего приходится отвернуться, чтобы мама не заметила такую реакцию.

Я могу понять гнев мамы в сторону Артура. Она занимается гимназией с того самого дня, как состояние Вероники ухудшилось. Мама делает для этого места все возможное и невозможное, лишь бы гимназия оставалась на плаву. И теперь, когда Артур вернулся, ей неприятно, что он тыкает ей носом, кто здесь на самом деле главный. Конечно, мама хотела, чтобы Зотовы продали ей гимназию «Святого Михаила». Не исключено, что так было бы лучше для всех.

В защиту Артура могу подметить, что за свой труд мама получает зарплату в два раза больше положенного, да и Зотовы никогда не давали даже намека, что продадут гимназию.

Больше всего меня обижает, что мама уже все решила за меня, как, в принципе, и всегда. Всего на секунду в моей голове пробегает мысль: может это не такая уж плохая идея?

Я смогу вернуться, как только близнецы выпустятся. Да и мое необъяснимое влечение к Игнату можно будет держать под контролем.

– Этого не будет. – быстро произношу я, пока не успела передумать.

Я принимаюсь собирать тетради в свою сумку, отвернувшись от мамы, чтобы лишний раз не видит разочарования в её глазах.

– Вика... – удивленно отвечает мама, но я не даю ей закончить.

– Я не собираюсь увольняться. Даже не пытайся воздействовать на меня через Матвея, ответ не измениться.

Поднимаю глаза, встречаясь с нервным взглядом матери. Она так удивлена, что окончательно теряет контроль над эмоциями.

– Почему ты так со мной разговариваешь?!

Её брови приподнимаются, и она действительно выглядит обиженной.

– Потому что я устала! Знаю, что ты желаешь мне только добра, но твой контроль над моей жизнью заставляет меня задыхаться. – признаюсь.

Мама обнимает себя руками, принимаясь мереть шагами кабинет. Мне кажется, наблюдая за ней, я могу прочувствовать, как хаотично крутятся мысли в её голове.

– Мама, хоть раз будь честной со мной! – произношу я громче, игнорируя крики учеников, доносящихся за дверью

Скоро мой следующий урок, и дети уже ждут, когда их впустят в класс.

— С момента, как Зотовы вернулись, ты сама не своя. Я вижу, как ты пытаешься изображать, что все хорошо, но это далеко не так. Расскажи мне, что происходит...

Дверь без стука распахивается, являя нам растрёпанную шевелюру пятиклассника, который испуганно коситься на директрису и, механически поздоровавшись, ретируется за дверь.

— Все, что я когда-либо делала и делаю в своей жизни, было только для тебя и твоего счастья. Жаль, что ты, как всегда, этого не видишь.

Больше мама ничего не говорит. Бросив на меня болезненный взгляд, она разворачивается на своих каблуках, не забыв хлопнуть дверь как следует.

На душе становится как-то скверно и неприятно от своих же слов. Я люблю маму, прекрасно понимая, что ее действия несут в себе лишь заботу, пусть она и показывает это странным способом. Однако всему приходит конец, как и моему терпению. Я совершенно не понимаю поведение мамы. Она ведет себя так, будто страшно боится... чего-то или кого-то? Может, если бы она перестала считать меня глупым ребенком и наконец поделилась своими проблемами, я бы смогла ее лучше понять? В любом случае сейчас у меня нет ответов ни на один из этих вопросов.

9 глава.

9 глава.

Виктория.

К шести вечера желание позвонить Игнату становиться практически невыносимым. Я игнорирую его, радуясь, что могу держаться... пока что.

Золотой конверт в моих руках обжигает пальцы, заставляя тело покрываться холодным ознобом. Как и обещал Артур, приглашение на званый ужин все-таки пришло, точнее его принес курьер. Из-за этого Матвей ходит по дому чернее тучи, ведь, как он мне сказал, сам Георгий Зотов позвонил ему сегодня, чтобы убедиться в том, что мы вдвоем обязательно придем к ним завтра. Я никак не стала комментировать такой расклад событий, даже не открыла конверт, чтобы лично увидеть приглашение. Не знаю, что задумали Зотовы и к чему все это, но завтрашний вечер явно не сулит мне ничего хорошего.

Почувствовав запах подгоревшей курицы, роняю конверт на стол, быстрее доставая блюдо из духовки. Мне везет, курица не успевает сильно подгореть и пахнет более-менее аппетитно. Я выкладываю все в красивую посуду, в очередной раз убеждаясь, что сервировка стола выглядит достойно без

каких-либо изъянов. Матвей любит, когда все красиво, и не терпит погрешности ни в чем. Эта неделя прошла очень даже хорошо для наших семейных взаимоотношений. Он не пил, не кричал на меня и вел себя, в целом, как нормальный муж. Поэтому сегодня я захотела устроить нам романтический ужин, и, пока Матвей отсиживается в своем кабинете после звонка Зотова-старшего, я занимаюсь подготовкой. Даже одела красивое платье и нанесла макияж, что не делала ни разу за два года. Не буду лукавить, Игнат стал главной причиной такому поступку. Точнее влечение, которое нарастает между нами, становясь сильнее с каждым днем. Я осознаю, что моя заинтересованность этим человеком уже давно переросла в что-то неконтролируемое и, как не стараюсь, не могу ничего поделать со своим глупым предательским сердцем. Зато я нашла оправдание своему *влечению*. Думаю, наши взаимоотношения с Матвеем всему виной. В конце концов я женщина, которая не любит своего мужа и вынуждена с ним жить. От этого идет заинтересованность Игнатом, и я собираюсь все исправить. Да и разговор с мамой сыграл свою роль. Конечно, я никогда не забуду все, через что заставил меня пройти Матвей. Однако он не все два года был таким, были и хорошие моменты... плохих, конечно, было больше... Но после сегодняшнего урока с Зотовыми, когда я первая нарушила наше недельное молчание, больше бессмысленно делать вид, что я не смогу себя контролировать и лучше уж пытаться наладить отношения со своим мужем,

чем сходить с ума по парню, от которого я обещала держаться по дальше.

Улыбаюсь в отражение настенной духовки, приглаживая непослушные локоны. У меня очень длинные волосы, которые я часто просто завязываю в хвост. Сегодня же я потратила несколько часов, чтобы красиво уложить пряди. Из-за открытых рукавов платья немного виден мой синяк на плече. К сожалению, такие вещи слишком долго сходят с моего тела, но я стала настоящим мастером по замазыванию отметин. Однако консилер немного стерся. Надо намазать снова.

– У тебя опять еда подгорела? – слышится голос Матвея.

Оборачиваюсь и вижу мужа, застывшего в кухонном проеме. Его карие глаза брезгливо разглядывают стол, отчего мне сразу становится некомфортно.

– Совсем немного... – заставляя себя улыбаться, говорю я. – Давай поужинаем.

Матвей усмехается, переключая внимание на телефон в своей руке. Я сразу замечаю его внешний вид. Брюки и рубашка в темных оттенках, каштановые волосы зачёсаны назад в маленький хвостик на затылке. Бороду он состриг, оставляя легкую щетину. Становится приятно от мысли, что он заметил мои старания и тоже решил принарядиться для нашего ужина.

– Я жду такси. – все также не обращая на меня внимание, произносит муж небрежно.

Мне кажется, что я ослышалась или это глупая шутка? Но

по невозмутимому виду Матвея я понимаю, что он серьезен.

– Куда ты поедешь? – нервно потирая запястье, спрашиваю я, стараясь не показывать разочарования.

– В бар. Встречусь с коллегами. – печатая что-то в телефоне, произносит Матвей.

Сразу догадываюсь, что если он едет на такси, то собирается пить.

– Может сегодня не поедешь? Я хотела поужинать вместе, а потом мы можем посмотреть какой-нибудь фильм. – предлагаю я.

Матвей наконец смотрит на меня и стол, который я накрывала несколько часов.

– Если ты что-то планируешь, предупреждай меня об этом заранее. Я уже собрался.

Матвей закидывает в рот один из нарезанных фруктов. Его глаза задерживаются на через чур подрумяненной курице, отчего он сразу же брезгливо отворачивается.

– Может... я с тобой пойду? – предпринимаю последнюю попытку.

– Ты?! – смеётся Матвей, так что чуть не давиться. – Чтобы меня высмеяли?!

– Что со мной не так? – теребя подол фартука, спрашиваю я.

– Все не так. Ты не умеешь веселиться и будешь весь вечер нудить.

Становится не приятно. Не придумав ничего лучше, на-

чинаю убирать приборы со стола, игнорируя пощипывание в глазах.

– Ты не разу меня с собой не брал, как ты можешь быть в этом так уверен? – через плечо бросаю я.

– Не брал и не буду, твое место дома.

Это звучит словно выстрел в спину. Болезненная улыбка появляется на моем лице. Потеряв контроль над злостью, демонстративно глядя на Матвея, выкидываю долбаную курицу прямо в мусор.

«Идиотка! Неделя без скандалов, и я уже размечталась, что между нами можно что-то исправить.»

С высоко поднятой головой прохожу мимо мужчины, что в очередной раз пренебрег мной. Далеко уйти не получается, ведь Матвей хватает меня за волосы, собирая их в кулак, и с силой тянет на себя, так что, кажется, готов оторвать их с корнями. Сквозь затуманенные от слез глаза, смотрю на мужчину и вижу, как искажается его лицо от злобы. Я запрещаю себе плакать, прикусываю губу, чтобы не закричать от боли.

– Кажется, я был к тебе слишком добр в последнее время! – шипит он мне на ухо, усиливая хватку.

Кулак, сжимающий волосы, удерживает меня на ногах. Он дергает еще сильнее, оттягивая голову ближе к себе.

– Не забывай, что я с легкостью могу спустить тебя с небес на землю.

Матвей отталкивает меня от себя с такой силой и прене-

брежением, что я ударяюсь лицом прямо в зеркальную арку, отделяющую кухню от прихожей. Это напоминает прошлое, где он так же толкнул меня, только спиной, и арка тогда разбилась. Что ж, в этот раз мне везёт.

Прижимаюсь лицом к прохладному стеклу, сотрясаясь всем телом, и, только когда входная дверь захлопывается, разрешаю себе заплакать. Истерика окутывает меня как петля, выбивая остатки самоконтроля. Я сотрясаюсь от рыданий до такой степени, что начинаю задыхаться. В порыве отчаянья и обиды подхожу к столу и швыряю все, что попадаетея под руку на пол. Вопль вырывается из меня прежде, чем я успеваю проглотить его. Посуда превращается в грудку стекла, но я ничего не слышу. Не могу остановиться! Я ничего не могу! В конце концов опускаюсь на колени, прямо на осколки. Боль в груди обжигает так сильно, что мне кажется я могу умереть прямо в эту секунду.

Сажу в такой позе до тех пор, пока слезы полностью не высыхают и меня не перестает тряссти. Осматривая осколки, я понимаю, что такими темпами в этом доме просто не останется посуды. Поднимаюсь на ноги, которые еще плохо слушаются. Иду в спальню переодеваться в более удобную одежду. У меня в голове пусто. Ничего нет. Ни мыслей, ни чувств. Зато боль тоже пропадает. Я действую механически, не особо обращая внимания что вообще творю. Осматриваю колени на отсутствие осколков, промываю перекисью несколько ранок, которые кровоточат. Смываю макияж, собираю воло-

сы в хвост. Мое состояние сейчас напоминает мне то, что со мной было неделю назад. Во мне снова пусто.

Вернувшись на кухню, я навожу идеальный порядок. В прошлый раз Матвей разбил посуду и убирал её сам, потому что не терпит бардака. В этот раз погром устроила я, так что убирать тоже мне. Когда в кухне становится кристально чисто, мне под руку попадается золотой конверт с приглашением от Зотовых.

«Позвони мне, когда надоест притворяться живой.»

Мне надоело... Надоело притворяться! Неужели Игнат так хорошо меня знает или я настолько открытая книга? Прошло два года, он же не может помнить все детали обо мне. Не может...

Беру свой телефон и подхожу к небольшому окну возле раковины. Несколько раз набираю и стираю набранный номер, прежде чем наконец-то прикладываю телефон к уху. Пока звучат гудки, я успеваю последний раз подумать о том, что надо сбросить.

– Вика. – тихим успокаивающим голосом говорит Игнат.

«Как он узнал, что это я?»

– Только не швыряй снова телефон об стену. – добавляет парень, пока я молчу.

Губы растягиваются в нервной улыбке. Хотя я понятия не имею, откуда он знает и об этом.

– Прости, что позвонила... Мне не стоило... – слова разбегаются от меня как от пьяной.

Минутная тишина бьет по ушам. Я слышу его дыхание вперемешку с собственными ударами сердца.

– Я хочу тебя увидеть.

В горле словно что-то застревает. Я, не моргая, изучаю тюль на окне, нервно постукивая пальцами по раковине.

«Нет... Я слишком много боли причинила ему за эти два года. Игнорировала. Вышла замуж. Не поддержала, когда умерла Ника. Как он все еще может говорить такие вещи... мне?!»

– Я тоже. – мой голос дрожит при этих словах, но я кажется впервые за целую вечность наконец-то говорю правду. – Но мы не увидимся.

Он легко смеётся, отчего у меня бегут мурашки по всему телу.

– Поверни голову. – все еще посмеиваясь, произносит Зотов.

Не особо испугавшись, я выполняю просьбу, готовая к чему угодно, но явно не к тому, что увижу Игната. Он стоит на дороге в нескольких метрах от моего дома. Полутьма улицы прячет его вместе с машиной, к которой он прислоняется.

– Парадируешь Эдварда Калена? – выпаливаю я первое, что приходит в голову.

– Что поделать? Это мой любимый фильм. – спокойно отвечает он.

– Наверно мне стоит вызвать полицию. Это сталкерство.

– Грешен. Каюсь. Но может ты простишь меня и даже со-

гласишься поехать со мной?

Я не отрываю взгляда от окна, наблюдая за силуэтом Игната. На улице уже чувствуется прохлада осени и капает мелкий дождик, готовый вот-вот перерасти в настоящий ливень, а он стоит в одной лишь футболке.

– Куда поехать? – недоверчивым тоном спрашиваю я.

– Есть одно место. – уклончиво отвечает Игнат.

– Знаешь, так фильмы ужасов начинаются. Когда девушка соглашается ехать со своим преследователем. – говорю я, понимая, что нелепо улыбаюсь.

От волнения я совсем перестаю нормально соображать.

– Ты мне доверяешь?

– Да.

Ни секунды я не задумываюсь над ответом. Доверие к этому человеку как будто заложено в моей ДНК. Сколько времени бы не прошло, я никогда не смогу сказать, что не доверяю ему. Хотя когда-то я так же верила и Артуру...

– Давай на один вечер притворимся, что ничего не произошло. Вспомним, что мы старые друзья, и просто проведем вместе время. Всего один вечер.

– Ты не будешь спрашивать о прошлом? – спрашиваю я, осознавая, что уже согласилась.

– Нет.

Сбрасываю вызов, быстрым шагом направляясь к прихожей, и на ходу обуваюсь в первые попавшиеся кроссовки. Ноющее чувство внутри меня говорит о том, что я посту-

паю неправильно. Но сегодня я уже пробовала сделать что-то *правильное*, так что теперь сделаю то, что действительно хочется.

Когда я выхожу из дома, одетая только в домашний спортивный костюм, меня прошибает прохладный ветерок, а мелкий дождь капает на тело. Я люблю такую погоду и, прежде чем подойти к Игнату, минуту стою на крыльце, вдыхая воздух полной грудью, чувствуя некие отголоски свободы.

Я пожалею о своём решении, когда мой мозг начнет нормально функционировать. Надеюсь, это случится не скоро. Игнат открывает передо мной дверь на пассажирское сидение, и я сразу же сажусь внутрь.

– Куда ты меня повезешь? – спрашиваю я, разваливаясь на кожаном сиденье.

Игнат загадочно улыбается, заводя двигатель, и не отвечает мне.

– Как часто ты следишь за моими окнами? – еще один вопрос, на который я все-таки получаю ответ.

– Сегодня второй раз. – признается он, фокусируясь на дороге.

– В ту ночь, когда мы встретились в загородном доме, я приезжал к твоему дому. Хотел поговорить, но так и не смог.

– А сегодня? – спрашиваю я, глядя на профиль Зотова.

– У меня была встреча в баре, где я встретил Матвея. Я уходил, он заходил.

Игнат пожимает плечами. Мне становиться неуютно от упоминания Матвея.

– Можешь считать это бредом, но я знал, что ты мне позвонишь.

«А если бы я не позвонила? Ты бы пришёл ко мне сам?»

Я не озвучиваю свои мысли.

Принимаю расслабленную позу, удобнее устраиваясь на сиденье. Не хочу ни о чем думать. Не сейчас. Завтра. Я обдумываю все это завтра. Невольно втягиваю воздух намного глубже, чем нужно, потому что в этой машине все пахнет Игнатом. Ментол и сигареты – необычное сочетание. Раз уж я и так нарушила все обещания, которые давала, то решаю получить от этого весь спектр эмоций. Бросаю взгляд на Зотова, внаглую рассматривая его.

Мужественный и спокойный.

Вот этими двумя словами я могу полностью описать Игната. Внимание привлекает то, как он прокручивает руль одной ладонью. Почему-то мне так нравится это движение. У него большие загорелые руки с выпуклыми венами и мышцами, на которые просто невозможно не смотреть. Хорошо, что он одел футболку... Игнат ловит мой взгляд и дарит мне самую обольстительную улыбку из своего арсенала. Поняв, что меня поймали с поличным, я отворачиваюсь, устремляя взгляд на окно. Моя реакция вызывает у Игната лёгкий смешок, который я игнорирую.

Пейзаж на улице становиться смутно знакомым. Чем

дольше мы едим, тем больше я начинаю догадываться, куда именно он меня везёт.

Заброшенный парк на окраине города. Несколько лет назад он был открыт для все желающих и имел некую популярность.

– Это же... Я думала его закрыли! – восклицаю я, жадно разглядывая местность.

Игнат паркует машину около забора с железными полуразрушенными прутьями и поворачивается ко мне.

– Его закрыли, но я знаю, как нам попасть внутрь.

Зотов выразительно играет бровями, отчего я не сдерживаюсь и смеюсь. Игнат замирает на мгновение, бросая на меня взгляд, который я совсем не могу разобрать. Он тянется к заднему сиденью, доставая свою кожаную куртку.

– Пошли. – улыбается парень и первым выходит из машины.

Я следую его примеру. Обхожу машину, сразу же натыкаясь на Зотова, который, не раздумывая, натягивает на меня кожанку. Она огромная и свисает как мешок, но Игнат все равно застегивает её на мне, помогая подвернуть рукава. Я прячу довольно улыбку, наблюдая за его действиями. В куртке намного теплее, однако дождь меньше не становится, и очень скоро мы можем промокнуть до нитки. Зотов протягивает мне руку. Нерешительность занимает всего секунду, после чего я сразу же переплетаю наши пальцы, прижимаясь к плечу Игната. Он достаёт телефон, включая фонарик. На

улице нет ни одного фонаря, крошечная тьма, так что это единственный источник света. Вместе мы шагаем ближе к забору. Я не знаю, как обойти эти прутья, поэтому просто следую за Игнатом, сжимая его руку. Кажется, он был тут недавно, потому что с лёгкостью находит дырку в заборе, через которую мы можем войти на территорию парка.

Пока парк не закрыли, я была тут постоянным гостем, конечно же, не только я. Здесь хотели построить один из новых развлекательных центров, полностью запретив посещение. Но стройка так и не началась, зато на главных воротах всегда висит амбарный замок.

Подсвечивая путь фонариком, мы забираемся внутрь. Некоторые деревья безжалостно вырубili, какие-то еще остались. Стройку забросили, так и не успев начать, отчего еще обиднее.

Главная площадка парка – это не то, что нам нужно. Поэтому мы идем вглубь, маневрируя между оставшимися деревьями. Если знать дорогу, а я ее никогда не забуду, то можно с лёгкостью выйти на склон, который открывает вид на весь город. Когда-то давно группа из шести человек стащила из парка лавочку и поставила на это место, чтобы лучше любоваться видом. Увидев ту самую лавочку, я забираю у Игната телефон и опускаюсь на корточки, подсвечивая на спинку.

А. М. Е. М. И. В.

Корявым почерком эти буквы навсегда остались вырезанными на деревянной перекладине. С нежностью провожу

пальцами по буквам, запрещая себе окунаться во воспоминания.

– Не думала, что она все еще стоит здесь... – говорю я, поднимаясь на ноги.

– Мне казалось тут все уже перекопали.

– Артур выкупил это место. – просто отвечает Игнат.

Зотов тянет меня к лавочке. Усаживаемся, прижимаясь друг к другу намного ближе, чем нужно. Мы смотрим вдаль, наслаждаясь огнями города. Так красиво. Там кипит жизнь, а мы сидим тут, наблюдая с высока.

– Зачем ему это? – спрашиваю я, догадываясь, какой получу ответ.

Ника... Это её любимое место. Мне никогда не сосчитать, сколько раз в этом парке мы проводили пикники, пока однажды не обнаружили, что тут еще имеется склон с потрясающим видом. Мы планировали перенести наши сборища в это место, а потом узнали, что Ника больна... Просто некоторым мечтам не суждено сбыться.

– Артур займётся его реконструкцией. Так что в скором времени парк снова станет доступен для всех.

Такие слова греют душу. Теперь понятно, почему стройка резко приостановилась на целых два года.

– Как же он собирается все совмещать? Ювелирный бизнес, гимназия и еще парк... – спрашиваю я, стараясь отвлечься от мыслей о Вероники.

– Мы с братьями прекрасно понимаем, что ювелирный

бизнес существует только благодаря эскизам отца. Как только он откажется рисовать или...

«Умрет» – мысленно добавляю я, когда Игнат запинается. Он уже потерял мать и теперь боится остаться еще и без папы. Смерть Ники подготовила его к тому, что это случится рано или поздно.

– Мы не сможем продолжить семейный бизнес. Все будет держаться на мастерах, работающих на нас. Поэтому мы стремимся реализовать себя в *своих сферах*.

От этих рассуждений меня переполняет гордость и немного грусть. То, что они готовы искать себя, несмотря ни на что, заставляет меня восхищаться Зотовыми еще больше.

Игнат пожимает плечами, заканчивая разговор. Мы не смотрим друг на друга, сосредоточившись на пейзаже. Дождь усиливается, и я уже чувствую, что промокла насквозь. Расстёгиваю куртку, набрасывая одну половину на плечи Игната. Он сначала отказывается, но быстро сдаётся под моим хмурым взглядом. Фонарик еще горит, зажатый в руках Игната. Несмотря на холод, я чувствую душевное спокойствие. Здесь, в этом парке мне намного уютнее и теплее, чем в доме Матвея.

Игнат встает, поправляя на мне куртку, и невозмутимо протягивает руку. Я пялюсь на это, не понимая, что он задумал. Неуверенно вложив свои пальцы в его, поднимаюсь на ноги. Игнат притягивает меня к себе, второй рукой осторожно сжимая талию. Звук дождя перебивает башенные удары

моего сердца, когда я понимаю, чего он хочет.

— Ты помнишь... — выдыхаю я, вскидывая голову, чтобы заглянуть в серебряные глаза Игната.

— Помню. — отвечает он.

В подростковом возрасте я провела бесконечные ночи, воображая, как танцую с кем-то под дождем. До замужества во мне горела наивность и желание к таким романтическим моментам. Уже не вспомню, почему я решила рассказать о своей мечте именно Игнату, но ничто не могло подготовить меня к тому, что спустя два года он не просто вспомнит об этом, но ещё и решит воплотить в жизнь.

— Музыки нет...

Мой голос еле слышен от звука проливного дождя. Сильная дрожь сотрясает все тело, а сердце угрожает выскочить прямо наружу. Игнат кивает, снимая блокировку со своего телефона. Через мгновение лёгкая песня раздаётся из динамика. Зотов кладёт гаджет на лавочку, не сильно заботясь о том, что тот может промокнуть, и притягивает меня к себе, снова возвращая руки на нужные места.

В состоянии близком к эйфории внутри растекается тепло, греющее меня изнутри, пока мы плавно двигаемся в такт музыке. Игнату приходится сильно нагнуться, чтобы наши лбы соприкасались. Я ловлю каждое его дыхание, наслаждаясь тем, что мы буквально дышим одним воздухом. Движения плавные и грациозные, но не сильно подходят песне, зато переносят меня в то время, когда я любила танцевать и...

жить. Дождь становится все сильнее, как будто хочет прогнать нас отсюда подальше. Мне плевать. Я двигаюсь в танце, наслаждаясь этим мгновением. Мой смех перекрывает звуки дождя, когда ноги отрываются от земли, и меня кружат в воздухе. Я откидываю голову, подставляя лицо под беспощадные капли, сильно сжимая пальцами плечи Игната, хотя знаю, что он меня ни за что не уронит.

Между нами возникает такая близость, которую я чувствую душой.

Игнат опускает меня, но я все еще сжимаю ткань промокнувшей футболки на его плечах. Мы смеёмся, почти соприкасаясь носами, пока я не поднимаю взгляд.

У него самые красивые глаза, которые я когда-либо видела в своей жизни. Улыбка медленно сползает с лица, когда он кладёт руку на мою щеку, отчего я сразу забываю о существовании кислорода во вселенной.

Зотов приподнимает мое лицо, так чтобы наши глаза встретились. Он изучает меня, останавливая взгляд в опасной близости от моих губ. Я облизываю их, стараясь избавиться от покалывания, так неожиданно образовавшегося в каждом нервном окончании. В глазах Игната вспыхивает пламя, делая его взгляд ещё притягательней. Он кладёт указательный палец мне на губы, ласково очерчивая контур. Это так чувственно и нежно, что я почти впадаю в экстаз. Каждое прикосновение его пальцев к моей коже подобно обжигающему огню. Так хорошо...

Мне приходится напомнить себе, что любой пожар оставляет после себя лишь пепел.

– Мне пора домой... – говорю я, шепотом, ощущая, как слова отличаются от того, что на сердце.

Игнат жмуриться, убирая руки от моего лица, и отступает на шаг. Его глаза остаются закрытыми, пока он старается вернуть себе самообладание. Мои внутренности болезненно сжимаются от мысли, что сегодняшняя ночь станет для нас точкой невозврата.

Игнат выключает мобильник, снова возвращая фонарик. Протягивает мне руку, но я качаю головой, растягивая губы в коварной улыбке. Ребенок внутри меня обретает жизнь и придумывает очередную шалость. У меня остались последние минуты, пока я ещё могу оставаться живой. Хочу наслаждаться ими сполна. Хихикая, я запрыгиваю на спину Игната, сцепив руки на его груди. Игнат сначала теряется, но быстро берёт меня под бедра и шагает к выходу. Я забираю у него телефон, подсвечивая дорогу, чтобы мы не свалились прямо в размоченную от дождя почву.

– Лентяйка! – притворно возмущенным голосом кричит мне Игнат, хотя я чувствую скрывающуюся в его голосе улыбку.

Смех заканчивается, как только мне приходится слезть со спины Игната, чтобы перебраться через дырку в заборе. Реальность возвращается, как и неожиданная боль от мысли, что мне надо вернуться в дом Матвея.

Кажется, смена настроения случается не только у меня. Мы молча садимся в машину, несколько минут греясь, подставляя руки к тепловому воздуху из печки автомобиля. С тела капает вода, а волосы свисают сосульками. Наверно, я выгляжу ужасно, в отличие от Игната, который похож на модель перед очередной фотосессией.

– Сделаем вид, что этого не было. – холодным тоном объявляю я, когда руки наконец перестают трястись.

На удивление, Игнат просто кивает, заводя машину. Все-таки нужно уже признать, что он знает меня слишком хорошо и готов к моим перепадам настроения. Я снимаю с себя насквозь промокшую куртку и забрасываю её на заднее сидение. Всю дорогу обратно пытаюсь убедить себя, что это ничего не значит. Я просто подалась порыву и провела время с человеком из прошлого.

«Я смогу забыть об этом и жить дальше. Смогу.»

Когда машина тормозит возле моего дома, я сразу проверяю, не включён ли свет в окнах. Убедившись, что везде темно, поворачиваюсь к Игнату.

– Спасибо тебе за эту ночь. Ты не представляешь, сколько она для меня значит.

Зотов улыбается немного грустно. Ямочки на его щеках привлекают внимание, отчего мне приходится, буквально, заставить себя отвернуться.

– На счет ужина... Я догадываюсь, чего ты добиваешься. Не могу лишь понять, как Артур согласился... Но вспомни,

что я сказала тебе, когда мы впервые встретились. *Ты не хочешь знать правду.*

Боковым зрением наблюдаю, как Игнат хмурится, глядя на меня.

«Спасибо, что осуществил одну мою мечту.»

Больше ничего не говоря, я покидаю машину. Практически бегу к дому, стараясь как можно скорее спрятаться, потому что знаю, одно слово от Игната, и я не смогу уйти. Как только входная дверь закрывается, я сползаю по ней, пряча лицо в коленях. На душе становиться так мерзко. Стены давят, напоминая, что я снова вернулась в свою добровольную клетку.

10 глава.

10 глава.

Виктория.

Бойтесь своих желаний. Иногда они исполняются. Моя детская и безобидная фантазия исполнилась, и теперь я на грани нервного срыва. Больше нет сил врать себе, что Игнат для меня ничего не значит.

Мне не нравится моя жизнь. Не нравится человек, с которым я вынуждена жить под одной крышей. И самое главное — мне не нравится держаться подальше от Зотовых. Я скучаю по Марии и Елене и больше всего на свете хочу вернуться в прошлое, исправить то, что привело меня в такое будущее.

Поцеловала бы я Игната, если бы знала во что все это выйдет?

Я очень хочу ответить, что «нет», но на языке вертится только уверенное «да».

Снимаю со своего пальца засохшую скрученную в кольцо веточку. Давно пора выбросить в мусор, но я никогда не сделаю этого, поэтому надежно прячу свое сокровище в книгу. За два года я часто доставала кольцо из тайника, в основном когда было очень плохо. Оно стало для меня неким порта-

лом в прошлое. Не знаю, о чем думал Игнат, когда в свои шестнадцать решил сделать мне предложение. Наверно, он просто шутил. Ведь до той ночи в клубе я ни разу не слышала, что у него есть чувства ко мне.

С близнецами я начала тесно общаться, когда им исполнилось по шесть лет. Из-за того, что у Артура с детства ярко выражена гиперопека над всем, что имеет для него значение, его младшие братья стали частью нашей дружбы уже в таком юном возрасте. Никто не возражал. Конечно, поначалу мы с девочками больше походили на нянек для очень беспокойных детишек. Хотя, если говорить искренне, проблемы доставлял только Марк. Этот засранец всегда считался магнитом для неприятностей. В то время как Игнат был как будто вылеплен из другого теста. Марк ломал игрушки, Игнат их чинил. Марк сбегал из дома и творил всякую дичь, Игнат исправлял все раньше, чем об этом узнавал Артур, что уж говорить о Нике и Георгии, которые не знали и половины того, что творили их дети. Все было прекрасно. У меня не было никакой склонности к тому, чтобы влюбиться в несовершеннолетнего парня. Я жила в гармонии с Зотовыми, прекрасно понимая, что мы только семья и никакие грани никогда не будут нарушены. Позже стало известно, что ошибаться — это мой удел в жизни.

Мне никогда не забыть ту ночь, когда я первый раз посмотрела на Игната совсем другим взглядом. Это случилось за несколько недель до отъезда Зотовых в Израиль. Мы уже

все знали о болезни Ники и их скорой поездке, поэтому старались проводить как можно больше времени друг с другом. Вместе с Еленой и Марией мы остались на ночевке в доме Зотовых. Я не могла уснуть из-за переживаний о Нике, и где-то в районе двух часов ночи Игнат нашел меня в их семейной библиотеке. Я полулежала на большом пуфе, читая один из романов Ники. История была грустной, и я рыдала над финалом, захлебываясь слезами. Хотя сюжет книги, конечно, был не единственной причиной моих слез. Я всегда была чрезмерно эмоциональной и сентиментальной. С приходом Игната в библиотеку пропала вся грусть. Я помню, как он подвинул ко мне второй пуф и, сев рядом, забрал книгу. Игнат читал мне в слух, пока я не уснула, изменяя грустный финал книги на веселый. Я помню, как все вокруг наполнилось спокойствием и гармонией просто от звука его голоса. После этого все между нами изменилось.

Сейчас анализируя нашу историю с Игнатом, могу признать, что в ту ночь он проник мне под кожу и до сих пор живет там. Стоит подметить, что на тот момент я уже полгода находилась в отношениях с Матвеем. И это еще раз доказывает, какой я отвратительный человек на самом деле.

С Матвеем Лесковым меня познакомила мама. Этот мужчина стал для меня первым во всех отношениях. Мне хотелось любить и быть любимой. Разум, взращённый на любовных романах, призывал меня искать принца на белом коне. И в начале наших отношений с Матвеем мне даже казалось,

что я люблю его. Еще одна моя ошибка. Одна из миллиона других.

— Мне еще долго тебя ждать? — раздражённо кричит голос Матвея на первом этаже.

Вздвогнув от его тона, я спешу убрать книгу на полку к другим историям, которые успела собрать, проживая в этом доме. Матвей никогда не трогает мои любовные романы, так что ни за что не найдет кольцо, подаренное Игнатом.

— Еще пять минут! — громко отвечаю я.

— Быстрее!

Званный ужин в особняке Зотовых. Вот и настал день «Х». К чему он, для чего позвали нас, а главное — что из него получится? Для меня это все большая загадка. Конечно, я не поверила словам Артура, что он так заинтересован в персоне Матвея, что решил обязательно позвать моего не очень известного мужа на сходку самых влиятельных шишек нашего города. Я понимаю, чего Зотов добивается на самом деле. Только не понимаю зачем... Последний раз, когда мы разговаривали на парковке, он выглядел как человек, который правда не понимает, почему я пропала из их жизни на два года. Что наталкивает меня на мысль: возможно, у Артура амнезия. Усмехаюсь своим же абсурдным предположениям. В любом случае чтобы не хотели от меня Зотовы, я не очень уверена, что готова рассказать правду Игнату и Марку, даже если меня подкупает перспектива перестать быть предательницей в их глазах. Как бы мне не хотелось обвинить в

своих ошибках Артура или даже Нику, это не изменит факта, что лишь я ответственная за все то, что происходит в моей жизни. Мои ошибки — мои последствия, а прошлое должно оставаться в прошлом.

Подхожу к напольному зеркалу, нахожу надевая туфли. Если задержусь в спальне еще больше, то терпение Матвея иссякнет, а мне совершенно не хочется знать, что тогда будет, ведь, как и любой перфекционист, Лесков любит идеальность во всем. Хотя, наверно, опаздывать к самим Зотовым не хочет никто.

Смотрю на своё отражение, убеждаясь лишний раз, что выгляжу достойно. На мне белое атласное платье с запахом. Оно достаёт до щиколоток. Длинные рукава полностью закрывают руки. Совсем скромный наряд, если бы не одно «но» — вырез. Он достаёт почти до пупка, и так, как я одела платье без лифчика, то крой наряда позволяет полностью спрятать грудь, обнажая только светлые участки кожи. Волосы собраны в аккуратной пучок, на лице минимум косметики, а из украшений только серёжки в виде серебряных цветов. Я запрещаю себе думать, что мое желание выглядеть красиво полностью связано с Игнатом, которого я точно смогу впечатлить. Каким скромным человеком я бы себя не считала, но цену своей внешности точно знаю. Я красива, и Игнату понравиться мое платье... Хотя меня это вообще не волнует.

Ещё раз пригладив волосы, всё-таки решаюсь наконец-то

спуститься. Матвей уже стоит около входной двери и раздражённо смотрит на меня. На нём чёрный классический смокинг, хорошо подчеркивающий подтянутую фигуру. Каштановые волосы зачёсаны назад, лицо идеально выбрито, а карие глаза как всегда немного сужены. Он красивый. С этим не поспоришь. Только меня больше не привлекает его внешность. У меня не подгибаются ноги, не замирает сердце. Ничего. Хотя раньше... Когда-то очень давно всё это было.

— У тебя нет других вещей? — демонстративно осматривая меня, спрашивает Матвей.

Он даже не пытается быть вежливым. Наверно потому, что у него очень болит голова. Ведь он явился домой только под утро, пьяный до такой степени, что еле стоял на ногах и проспал до самого вечера, чтобы хоть как-то скрыть следы своего аморального образа жизни.

— Есть. — отвечаю я намного громче, чем нужно, наслаждаясь, как его лицо кривится от боли.

— Тогда почему моя жена одета как шлюха?!

Матвей смотрит на меня словно я никто, грязь под ногтями. На удивление, меня не обижают его слова, а даже наоборот. Теперь я точно уверена, что выгляжу превосходно. Прекрасные отношения, ничего не скажешь.

— Могу остаться дома. — машинально отвечаю, рассматривая атласный крой платья.

Конечно, мы оба понимаем, что этого не будет. Георгий Зотов лично позвонил Матвею и подчеркнул, чтобы мы при-

шли вдвоем. Лесков слишком сильно зависит от шелеста чужих денег, поэтому он ни за что не откажется от приглашения, даже из-за ревности к Артуру. Сразу понятно, кто, а точнее что для него важнее.

Матвей никак не комментирует мое предложение, и, больше не глядя друг на друга, мы в тишине едем на званый ужин.

Когда машина Матвея тормозит возле особняка, и мы делаем первые шаги в сторону дома, я начинаю дышать все быстрее, а кровь в венах бежит с невероятной скоростью. Встреча с Зотовыми переполняет мои эмоции, но при этом я чувствую холодный озноб. Не знаю, чего ждать от этого вечера. Я одновременно боюсь и жажду поскорее узнать, что именно мне уготовала судьба.

— Матвей! — раздаётся веселый мужской голос у нас за спиной.

Прежде чем обернуться, я смотрю на Матвея, который замер, крепко сжимая мое запястье. Хорошо освещаемый свет на парковке у особняка с легкостью помогает мне увидеть, как краска сходит с лица моего мужа, превращая его кожу в белое полотно.

— Не ожидал тебя здесь встретить. — голос становится ближе, и я все-таки оборачиваюсь.

На парковке, переполненной дорогими машинами, нет никого, кроме нас троих. Незнакомый мужчина сверкает белоснежными зубами, скривлёнными в какой-то ядовито-насмешливой улыбке. Он высокий и широкоплечий. Безупреч-

ный черный костюм сидит на нем как вторая кожа, почти сливаясь с волосами и бородой такого же оттенка. Никогда его раньше не видела и, уж точно, не жалею об этом. В этом незнакомце все кричит об опасности, а шрам на правой щеке подогревает мысли, что мужчина, наверняка, занимается чем-то не очень законным.

— Здравствуй, Адам... — немного трясущимся голосом произносит Матвей, соизволив наконец повернуться.

Незнакомец бросает на Лескова скупающий взгляд и снова смотрит на меня, рассматривая так, будто я композиция в музее. Его губы растягиваются в широкой улыбке, как у дьявола. Не знаю, почему мне приходит на ум именно это сравнение, но оно точно ему подходит.

Адам в три шага оказывается возле меня, протягивая свою здоровую ладонь.

— Приятно познакомиться с вами, Виктория. Адам Сойка.

Какое необычное имя. Мужчина очень похож на турка, хотя я не уверена. Бросив взгляд на Матвея, яжимаю протянутую руку. Мужчина становится еще веселее, отчего мне совсем неловко. Откуда он знает мое имя? Может Матвей рассказывал обо мне, хотя я не знакома ни с кем из окружения своего мужа.

— Взаимно... — отвечаю я, поджимая губы.

«Отлично, вечер еще не начался, а я уже в какой-то непонятной ситуации!»

Адам пугает меня не только из-за своей устрашающей внешности, но и из-за реакции Матвея, который, кажется, даже не дышит.

— Еще увидимся, Матюша.

Незнакомец хлопает Лескова по плечу с такой силой, что он чуть не падает и, улыбнувшись мне еще раз, медленно шагает вдоль грунтовой дорожки, ведущей к особняку.

Как только фигура Адама отходит на несколько шагов, из тени выходят двое мужчин, которых я даже не замечала до этого.

«Охранники» — подсказывает сознание.

— Мы уходим. — ледяным тоном произносит Матвей, как только силуэт Адама отдаляется на приличное расстояние.

От шока я открываю рот, но ничего не предпринимаю, пока Лесков тянет меня в сторону своей машины. Я чувствую, как он напряжен и, скорее всего, испуган, что никак не укладывается в голове.

— Куда же вы собрались? Вечеринка еще даже не началась.

А вот этот голос мне хорошо знаком. Марк выходит из тени, сжимая сигарету между пальцев. За его спиной стоит мотоцикл, и мне остаётся только гадать, что именно он успел услышать. Зотов затягивается, бросая в сторону Матвея взгляд, который тут же переводит на меня. Я даже не обращаю внимания на Матвея, сосредоточившись на черно-волосой катастрофе. Он одет в смокинг, даже пиджак при-

сутствует. Его явно заставили так одеться, что меня немного веселит. Пусть он одет с иголочки, но Марк был бы не Марком, если бы не внёс свои штрихи. Рукава пиджака закатаны, обнажая тату на предплечьях обеих рук, на пальцах, подносящих сигарету к губам, поблескивают массивные перстни, а волосы в таком хаотичном беспорядке, что никогда не поймешь, сделал ли он это специально или же просто не потрудился расчесаться.

— Мы, к сожалению, не сможем посетить ваш приём. Появились срочные дела. — все-таки подает голос Матвей, сильнее сжимая мою руку.

Марк следит за этим движением, еще раз затягиваясь и наконец отбрасывая окурок в сторону. Голубые глаза Зотова недобро щурятся. Кажется, ему не нравится, как Матвей хватается за меня, будто ища защиты.

— Что вы, разве так можно? Отец вас очень ждет.

Марк подходит к нам и жестом указывает на грунтовую дорожку.

— Думаю, вы сами должны понимать, что мой отец не любит, когда ему отказывают.

Мужчины встречаются глазами. Между ними как будто происходит немой диалог, где Марк совершенно спокоен и при этом в открытую насмехается над мужчиной намного старше себя. Матвей же рядом с ним оказывается в проигрывшем положении. Зотов побеждает. Муж прокашливается, снова потащив меня в сторону особняка, как собачку на

повадке. Прежде чем отвернуться, я успеваю поймать презрительный взгляд Марка, направленный на моего мужа.

— Вы так сжимаете свою жену... — протяжно произносит Марк, следуя за нами, пока мы втроем идем вместе в дом Зотовых.

— Уверен, она и сама сможет идти.

Матвей игнорирует язвительное замечание Марка, но, слава всем богам, освобождает мое запястье из своей хватки. Очень хочется подвернуть рукав платья, чтобы посмотреть, не остались ли на мне следы от его пальцев.

Слыша уверенные шаги Зотова за своей спиной, я почему-то успокаиваюсь, будто нахожусь под защитой. Конечно, сцена на парковке не забудется, но уверена на все сто, Матвей не будет делиться со мной, почему так странно отреагировал и кто такой этот Адам Сойка.

В особняке Зотовых всё осталось таким, каким я помнила. Роскошь этого дома всегда меня поражала и восхищала. Все-таки, если у тебя есть деньги, то тебе доступны все прелести жизни. На входе нас встречает человек в специальной униформе. Он забирает наши вещи и проводит в зал. Марк, кинув дежурные извинения, уходит, взбегая по мраморной лестнице, которая, как я помню, ведёт в спальни. Охранник стоит на втором этаже, наблюдая, чтобы никто не поднимался в ту часть дома.

Матвей хмуриться. Хоть он и пытается сдерживать эмоции, но у него это не получается. Меня не сильно заботит его

состояние. Спасибо на том, что он больше не сжимает мою руку. Обвожу просторное помещение взглядом, неосознанно окунаясь в омут воспоминаний. Сейчас мебель тут сдвинута или убрана, чтобы предоставить гостям больше места, хотя его и так предостаточно, но раньше в этом зале мы проводили безчётные дни вместе, смотрели фильмы, играли в карты... Да много чего тут происходило, и Ника была неотъемлемой частью этих действий. Ей всегда было с нами интересно, а иногда она сама придумывала нам развлечения. В ней кипел дух авантюризма и страсть к приключениям, что Марк унаследовал с избытком. Артур и Игнат же больше похожи на отца своими железными нервами.

В уголках глаз начинает предательски пощипывать. Каким бы не казался большим особняк, он все равно выглядит одиноким. Без хозяйки дома никакая красота и роскошь не сможет заполнить эту пустоту. Сейчас я наконец осознаю, что Ники больше нет. Хотя я и узнала об этом неделю назад, но защитный механизм в моем разуме отчаянно пытался не думать об этом. Все еще цепляясь за мысль, что она где-то там проходит лечение и скоро вернётся. Наверно, я гребаная трусиха, которой проще не думать о горе, чем пустить его внутрь себя.

Матвей берёт меня под руку, отчего я сильно вздрагиваю. Одинокая слезинка скатывается по щеке, но я смахиваю ее, не привлекая внимания. Хотя даже если я разрыдаюсь у всех на глазах, Матвею будет важно лишь то, что я его опозорю.

Поборов брезгливость, я под руку с Матвеем прохожу в глубь зала, запрещая себе думать о Нике.

Лёгкая классическая музыка заполняет уши, а от яркого освещения побаливают глаза. В зале стоят шесть небольших столиков с закусками, вокруг них люди в дорогих платьях и костюмах. Человек двадцать, не меньше, и все они довольно влиятельные особы, некоторых я даже видела по телевизору. Помещение так красиво украшено цветами, что у меня замирает сердце. Вокруг сотни голландских розовых роз, собранных в замысловатые композиции.

А какой аромат витает в воздухе... Просто сумма сойти можно. Я, кажется, знаю, кому из Зотовых принадлежит идея украшения зала.

«Спасибо, Игнат, мне приятно. Лишнее напоминание, что ты знаешь меня лучше всех.»

Пока я восхищённо разглядываю пространство, пытаюсь не уронить челюсть на пол, к нам медленно подходит мужчина. Он идёт, легко маневрируя среди людей. Можно вдоль насмотреться всеми изменениями, которые произошли с ним за два года. В русых волосах появилась седина. На лице глубокие морщины, а в серебряных глазах боль, которую не смыть даже десятилетиями. Потеря жены оставила на его внешности свой отпечаток.

— Вика... — едва заметно улыбается мужчина, полностью проигнорировав Матвея. — Ты ничуть не изменилась, все такая же красавица.

Нежность в его голосе возвращает меня во времена, когда Георгий Зотов был для меня всего лишь «дядя Жора». Мужчина аккуратно пожимает мою руку своей большой тёплой ладонью, и морщинки на его лбу разглаживаются, когда он смотрит мне в глаза.

«Интересно, сказала ли Ника, что я целовала Игната два года назад? Скорее всего нет, раз он все еще рад меня видеть.»

Мне даже на мгновение кажется, что, если бы не присутствие всех этих людей, которые то и дело бросают на нас заинтересованные взгляды, он бы обнял меня по-отечески, как раньше.

— Мне очень жаль... — начинаю я, осевшим голосом.

Георгий прерывает меня вальяжным жестом, выставив ладонь вверх. Мужчина прикрывает глаза, будто даже упоминание о Нике, приносят нестерпимую боль.

— Нам всем жаль, милая. — произносит Зотов, взяв вверх над эмоциями.

Совість грызет изнутри. Его хорошее отношение ко мне лишь выпускает наружу то, о чем я так упорно стараюсь не думать. Я не поддержала этого человека в самый тяжёлый день его жизни и просто не достойна такого приёма.

— Георгий Владленович, познакомьтесь, мой муж Матвей Лесков. — представляю я, вспомнив, что пришла не одна.

Конечно, они уже знакомы, но лично встречаются впервые, поэтому по этикету представлять должна я, хотя все эти

светские штучки мне недоступны, и я очень надеюсь, что не опозорюсь. Матвей выглядит удивленным, плохо скрываемое раздражение четко читается на его лице. Лесков быстро берёт себя в руки и, прокашлявшись, протягивает старшему Зотову руку. Георгий Владленович оценивающим взглядом проходится по Матвею. Мужчины жмут друг другу руки. Напряжение сгущает воздух вокруг. Надеюсь, его чувствую только я.

— Приятно наконец-то познакомиться с тобой Матвей. — улыбается старший Зотов, но, честно сказать, мне не кажется, что он говорит искренне. — Что ж, проходите.

Дальнейшие события происходит как в тумане. Георгий Зотов знакомит нас со своими гостями. С некоторыми из присутствующих Матвей знаком лично, кого-то видит впервые. Мне это совсем не интересно. Нацепив на себя что-то похожее на дружелюбную улыбку, я пытаюсь создать вид, что являюсь частью всего этого. На самом же деле я выгляжу как аксессуар для Матвея, который наконец-то искренне улыбается. Он светиться, довольный знакомствами, которые могу перенести его юридической компании новые выгодные сотрудничества. Не хочу казаться пессимистом, но все-таки мне кажется, что интерес к Матвею у всех этих влиятельных людей вызван только Георгием Зотовым, который, к моему великому счастью, не оставляет меня наедине с мужем.

Несколько раз я ловлю на себе веселые взгляды загадочного Адама Сойки. Этот человек не скрывает своей заин-

тересованности в нас с Матвеем. Честно, его взгляд больше походит на человека, который наблюдает за самым смешным спектаклем в своей жизни. Матвей же принципиально не смотрит в сторону Адама, но каждый раз бледнеет, когда он рядом.

Когда в зал входит Игнат, все на мгновение замирает, я-то уж точно. Он идет откровенной походкой с расправленными плечами и размеренным шагом. Заставлять себя не смотреть на него нет смысла. Я не смогу отвернуться, даже если постараюсь. Игнат одет в серый костюм-тройку, который добавляет ему возраста и прекрасно сочетается с глазами. Если Марк в костюме выглядит неуместно, то вот Игнату такая одежда очень идёт.

Из меня чуть не вырывается болезненное «ай», когда Матвей с силой сжимает костяшки пальцев. По его взгляду сразу понимаю, что муж замечает мой взгляд и чрезмерно недоволен. За спиной Игната появляются фигуры Марка и Артура. Я тут же облегченно выдыхаю, понимая, что Матвей опять ревнует не в том направлении.

Хватаюсь за ножку бокала, как за повод высвободить свою несчастную руку из жестоких пальцев, и перевожу взгляд на пузырьки в фужере, изображая, что это самое интересное зрелище из всех возможных.

Когда Игнат подходит ко мне, а его братья к Матвею, сердце стучит где-то в районе горла.

— Матвей, ты уже знаком с моими сыновьями? — слышу

приглашённый голос Георгия.

Пока мужчины здороваются, пожимая друг другу руки, мне хочется провалиться сквозь землю.

Приятный аромат мужского парфюма, доносящийся от Игната, вызывают стаю мурашек по моей спине.

— Добрый вечер, Виктория Александровна. — мягко произносит Игнат, развернувшись ко мне. — Вы прекрасно выглядите.

Он слегка поворачивает голову набок, и от его вида я почти впадаю в экстаз.

«Возьми себя в руки!»

Чувствую себя подростком в пубертатном периоде.

— Спасибо. — вежливо отвечаю я.

Игнат улыбается, и мои губы непроизвольно делают тоже самое. Найдя в себе силы отвернуться, я сталкиваюсь глазами с Марком, который прижимает к своим губам указательный палец, будто так сдерживает улыбку или язвительные комментарии. Артур тоже все замечает, и только поджатые губы выдают его осведомлённость, но, к моему удивлению, он не выглядит разозлённым, скорее очень уставшим. Матвей же остаётся в блаженном неведении. Если бы такая ситуация случилась с Артуром, вот тогда он бы отреагировал, а так ему совершенно неинтересна моя персона, всем его вниманием владеет Георгий.

Мужчины ведут беседу, до которой мне совершенно нет дела. Не зная, чем себя занять, я рассматриваю закуски раз-

нообразных видов. Все выглядит аппетитно, но есть совсем не хочется. Тем более мне нужно думать только о том, как игнорировать присутствие Игната. Он стоит намного ближе, чем это нужно, почти прижимаясь своей рукой к моей. До меня доносится смешок Марка, возвращающий в реальность. Я понимаю, что глаза всех присутствующих устремлены на меня.

— Простите, что вы сказали? — пытаюсь звучать так, будто у меня не закончился воздух в лёгких.

— Как тебе работа в гимназии? - невозмутимо спрашивает старший Зотов, а я даже не слышала его вопроса ранее.

— Все отлично. Мне очень нравится моя работа. — вежливо отвечаю я.

Георгий растягивает губы в мелкой улыбке и смотрит на меня с капелькой нежности. Не могу не подметить, как Игнат похож на своего отца. Даже больше, чем Марк.

— Вообще, я против, чтобы Вика работала, но пока соглашаюсь с ее прихотью. — голос Матвея, звучит слишком надменно.

Мне хочется ударить себя по лбу, а лучше Лескова. Зачем он вообще говорит такое?!

— Разве ей нужно ваше разрешение? — встревает в разговор Артур, который до этого предпочитал отмалчиваться.

— Звучит так, будто она ваша собственность, а не жена. — подключается Марк.

Игнат молчит, но я вижу, как его рука сжимается в кулак,

а ноздри раздуваются от того, что он дышит через нос.

— Жена обязана... — начинает Матвей свою любимую песню.

— Не думаю, что жены обязаны что-то делать для своих мужей, если им это не нравится. — прерывает его Игнат.

Вскидываю голову, чтобы посмотреть на него. Какая-то извращённая часть меня радуется тому, что Зотовы поставили Матвея на место, действуя как одно целое. За этим интересно наблюдать.

Вижу как Матвей начинает нервничать. Ему не нравится, что кто-то смеет так с ним разговаривать, но сориться с сыновьями Зотова не входит в его планы.

— Вы слишком молоды, и еще ничего не понимаете в семейной жизни. — произносит Матвей с ноткой раздражения в голосе.

Игнат выглядит расслабленным, хоть скрытая напряжённость прячется в его теле. Взгляд, которым он смотрит на Матвея, говорит о многом, будто Игнат готов свернуть моему мужу шею в любую секунду.

— Может и так, но я уважаю женщин и их права.

Удивленно скидываю брови, осушая бокал шампанского до дна одним глотком. Артур и Георгий гордо смотрят на Игната, а Марк похоже хочет нагнуться через стол с закусками и дать брату пять. Матвей открывает рот, но, не придумав достойного ответа, захлопывает его, отводя взгляд в сторону.

Мне становится неуютно, и щеки стыдливо заливаются

румянцем. Ставлю бокал на стол и опускаю руки, сжимая атласный край платья. Кажется, разговор заходит в тупик. Все молчат, слушая живой оркестр и голоса гостей. Хочу сбежать отсюда подальше, туда, где нет Матвея и его пренебрежительного отношения ко мне, да и к женщинам в целом. Одно дело слышать такие вещи от мужа, когда мы одни, но сейчас у меня такое чувство, будто на меня прилюдно вылили ведро помоев.

Сердце пропускает удар, и каждый волос на моем теле встает дыбом, когда я чувствую, как Игнат касается моей руки ребром своей ладони. Щеки покрываются румянцем. Вдруг в зале становится слишком жарко. Я ничего не предпринимаю, когда он сцепляет наши мизинцы замком. Спокойствие заполняет каждую клеточку моего тела. Мне приятно от мысли, что от Игната не скрылось мое душевное состояние после речи Матвея и он выражает свою поддержку таким жестом, в отличие от моего мужа, которому совершенно плевать, обидели ли меня его слова или нет.

Всего на миг люди вокруг перестают существовать. Прикрываю глаза, наслаждаясь прикосновением и спокойствием, которое оно дарит. Руки покалывает от желания взять Игната за руку, а лучше попросить его забрать меня отсюда.

У себя на спине я чувствую обжигающий взгляд, поэтому спешу убрать руку, как можно незаметней, и с напускным равнодушием оборачиваюсь. Адам смотрит на меня, находясь на довольно приличном расстоянии в окружение лю-

дей. Рядом с ним ведут оживлённую беседу, но этот человек смотрит поверх них, прямо мне в глаза. Неужели он увидел...

Мужчина широко улыбается, с издевкой, от которой меня прошибает холодный пот. Адам салютует мне свои бокалом и, подмигнув, возвращает внимание к людям окружающих его.

— Кто этот мужчина? — спрашиваю я, смотря на Георгия.

Зотов-старший вопросительно вскидывает брови, пока я незаметно показываю ему на Адама. Матвей сжимает мою руку под столом с такой силой, что глаза щиплет. Губы мужа презрительно кривятся, а глаза грозятся убить на месте, что, естественно, не скрывается от Артура, который стоит возле Лескова.

— Это Адам Сойка, владелец казино. — отвечает на вопрос Георгий. — Что-то случилось?

Я нервно мотаю головой, вырывая свою руку из хватки Матвея.

«Владелец казино» — звучит набатом у меня в мыслях.

У нас в городе всего одно казино, а это значит...

— Матвей, нам с тобой нужно поговорить. — переключает своё внимание на моего мужа Георгий — Мальчики не оставляйте Вику одну.

Георгий красноречиво смотрит на своих сыновей и жестом показывает Матвею следовать за ним. Артур удивляет меня тем, что идет за отцом. Мальцев кривиться. Перспек-

тива оставить меня одну ему не сильно нравится.

— Не волнуйтесь вы так, мы её не съедим. — усмехается Марк, подмигивая Матвею.

Лесков колеблется секунду, но очень быстро спешит за Георгием и Артуром, не забыв послать мне глазами предупреждение.

Как только три силуэта скрываются за спинами гостей, я снова оборачиваюсь туда, где стоит Адам, но его уже нет. Покрутив головой, я выискиваю в лицах незнакомцев мужчину, но он как будто испарился.

— Нам нужно поговорить. — произносит Игнат, обращая мое внимание на себя.

Пока я выискивала Адама, Марк умудрился не заметно свалить, поэтому мы с Игнатом остаемся наедине.

— Это плохая идея. — морщу нос и качаю головой.

— Вика.

Тембр его голоса вынуждает меня поднять глаза. Все звуки смолкают в этот момент.

— Пожалуйста.

Делаю глубокий вздох. Мне приятно, что Игнат оставляет выбор за мной, а не тащит подобно Матвею. Киваю, мысленно ругая себя, что опять не могу ему отказать. Игнат улыбается и сразу делает шаги в сторону выхода. Я иду за ним, стараясь игнорировать взгляды гостей, направленные на меня.

С каждым сделанным шагом я все меньше чувствую собственные ноги. Когда зал с гостями остаётся позади, Игнат

берёт меня за руку, мягко направляя за собой. Его движения аккуратны и заботливы, совсем не как у Матвея. Кровь пульсирует в венах так сильно, что разум заполняет туманная пустота. Я следую за Игнатом, совсем не думая ни о ком, даже если нас кто-то увидит или Матвей выпрыгнет из-за угла.

Мне плевать.

Все-таки у меня едет крыша. Взявшись за руки, мы минуем охранника, который сторожит второй этаж. Мне не нужно спрашивать, куда он меня ведёт, я хорошо знаю планировку этого дома.

Не останавливаясь, мы заходим прямо в его комнату, после чего Игнат сразу же поворачивает ключ в замке.

Моя грудь тяжело вздымается, возможно, я ахаю, но не уверена. Игнат смотрит на меня с туманной пеленой в глазах, отчего внизу живота все сжимается.

— Как ты можешь быть с ним?

Лицо Игната ожесточается, портя идеальные черты.

— Может я люблю его?

Если бы напряжение между нами не искрилось с такой силой, я бы рассмеялась от нелепости собственных слов.

Игнат делает шаг вперед, а я назад.

Я не боюсь его. Я боюсь себя рядом с ним.

— Не любишь.

Ещё один шаг.

— Знаю, что не любишь.

Он подходит ещё ближе, а я отступаю. Так происходит до

тех пор, пока мое бедро не упирается в письменный стол. Дышу через нос, чтобы усмирить беспорядочные удары собственного сердца. В комнате полумрак, и все пахнет им. Это самая сладкая пытка на свете.

— А кого я люблю?

Вопрос слетает с губ против моей воли. Игнат не отвечает, но ухмыляется, медленно, соблазнительно изогнув губы, отчего по позвоночнику пробегают мурашки. Мои глаза фокусируются на этом движении.

— Я могу показать.

Дергаюсь, поразившись, как столь простые слова, вызывают жар во всем моем существе.

Игнат поднимает руку и указательным пальцем нежно касается оголённой кожи чуть ниже ключиц, вызывая во мне ещё большую дрожь. Со всей силы сжимаю бортик стола за своей спиной, потому что не доверяю самой себе.

— Не надо... — перехожу на шепот.

Притяжение между нами обрушивается на меня, как цунами, лишая лёгкие воздуха и заставляя задыхаться.

— Останови меня.

Его слова звучат как вызов, в котором я проиграю.

Игнат подходит вплотную, не оставляя между нами даже миллиметра свободного пространства. Пальцами он медленно проводит по краю выреза, не касаясь оголенных участков кожи. Он играет со мной, прекрасно понимая, что я хочу большего, мы оба хотим. Разум подсказывает, что Игнат не

перейдет грань, пока я об этом не попрошу, но во мне еще остались частички самоконтроля, хотя они и разрушаются одна за одной каждый раз, когда его прикосновения посылают импульсы по телу. Облизываю свои пересохшие губы, что не остаётся незамеченным. Игнат хватается меня за бедро одной рукой, а второй скидывает со стола всякий хлам, усаживая меня на освободившуюся поверхность. Разомкнув мои ноги пальцами, он встает между ними. Я чувствую его через тонкую ткань платья. Лицо Игната находится так близко, что я ощущаю его дыхание на своих губах.

Это уже просто за гранью.

— Нельзя... — шепчу я, упираясь ладонью в его грудь.

Игнат медленно обхватывает мои пальцы, удерживая руку на своей груди. Его сердце бьётся, как бешенное, под моей ладонью. Я смотрю на его губы, и все мое тело откликается на такую близость.

— Разве ты не понимаешь, все, что между нами происходит, это неправильно. Мы совершаем ошибку.

Все-таки здравый смысл во мне еще жив, хоть и борется из последних сил. Игнат выпрямляется, но не отходит.

— Скажи, что не хочешь, и я остановлюсь.

«Сказать, и он остановиться... Так просто.»

Мои пальцы хватают Игната за галстук и притягивают ко мне. Прижимаюсь к его губам, и он без колебаний отвечает на поцелуй.

Я всегда считала себя фригидной женщиной, неспособной

получать удовольствие от сексуальной близости. Секс был потребностью, и никакие ласки не доставляли удовольствия. За всю жизнь я лишь два раза была инициатором поцелуя, и это было не с Матвеем.

С Игнатом все по-другому. Я хочу его так сильно, что схожу с ума. Рядом с ним во мне просыпается какая-то первобытная похоть, и никакой голос разума не может спасти меня от моих же желаний.

Наши языки встречаются, стремясь исследовать каждую частичку друг друга и отчаянно жаждая получить ещё... Поцелуй быстро выходит из-под контроля, пока не превращается в какое-то дикое соприкосновения губ и языков.

Желание убивает последние остатки самоконтроля. Так хорошо, что я издаю стон.

Одной рукой Игнат удерживает мою шею, а другой сжимает талию. Сильно сжимает. Нежность граничит с болью. Я никогда не думала, что мне может понравиться такое сочетание. Хотя меня никогда так не касались.

Лёгкие просят воздуха, я отстраняюсь, жадно поглощая кислород. Игнат наклоняется, осыпал поцелуями ключицу и шею. Пламя, бушующие во мне, рвется наружу вместе со стонами. Я прижимаюсь к нему всем телом, крепко обхватывая ногами его бедра. Чувствую каждую пульсирующую мышцу под его одеждой, и это вызывает во мне еще большее желание. Ничего не имеет смысла. Время останавливается, а во вселенной остаемся только мы вдвоём. Запускаю руку в его

мягкие волосы, оттягивая голову назад. Хочу снова почувствовать его губы на своих, но, прежде чем я успеваю осуществить свои мысли, кто-то сильно дергает ручку закрытой двери...

11 глава.

11 глава.

Виктория.

Бывают плохие дни. Бывают хорошие. А бывают дни, когда ты хочешь исчезнуть из этого мира без права на возвращение.

Когда дверь дергают еще раз, кажется, что меня обливают ледяной водой. Я смотрю в глаза Игната, сжимая его волосы. Наши губы в миллиметре друг от друга, и мы оба еще не готовы избавиться от пелены страсти, возникшей между нами.

— Черт! — хрипло ругается Игнат.

Способность соображать возвращается к нему, пока я все еще нахожусь в шоке. Зотов буквально снимает меня со стола, быстрыми движениями разглаживая платье. Большим пальцем он проводит чуть выше моих губ, стирая следы помады. В комнате, освещаемой только одним светильником возле кровати, плохо видно наши лица, но кто бы сюда не вошёл сразу догадается, чем мы только что занимались.

Игнат осматривает меня с ног до головы и только после этого делает шаг в сторону двери, в которую уже начали стучать. Я хватаю его за руку, останавливая. Мне становится

страшно. Разум кричит о том, что сейчас сюда войдет разъярённый Матвей.

— Ничего не бойся. — говорит Игнат тихим успокаивающим голосом, мягко снимая с себя мои пальцы.

Ком застревает в горле, когда я дезориентированная наблюдаю за Зотовым, который спокойно подходит к двери и открывает ее.

Увидев силуэты Артура и Марка, я даже сначала облегченно выдыхаю, прежде чем податься приступу новой паники и шока. Артур включает свет, отчего я тут же морщусь. Проходят минуты, пока вошедшие Зотовы изучают комнату. По их взгляду сразу ясно: они понимают, что тут происходило несколько минут назад, но, кажется, не совсем верят. Артур рассматривает предметы, которые Игнат смел со стола, и лишь после этого начинает изучать меня тяжелым взглядом. Я не дышу, не двигаюсь, даже моргать не в силах.

— Знаешь, брат, когда я сказал *«давайте устроим Вике допрос с пристрастиями»* я не совсем это имел ввиду. — произносит Марк.

Он не выглядит удивленным, скорее наоборот. Его ужасно радует вся эта ситуация.

— Надо было выражаться яснее. — отвечает Игнат.

Поднимаю брови, удивленно пялясь на него. Как вообще можно шутить в подобной ситуации?! До меня наконец доходит для чего именно Игнат позвал меня в комнату. Как я и думала, Зотовы хотят поговорить. Перевожу взгляд на Ар-

тура, который кажется вот-вот взорваться. Он сжимает переносицу двумя пальцами и жмуриться. Даже на расстоянии я могу чувствовать, как мысли одна за другой беспорядочно крутятся в его голове.

— Вы что охренели?! — все-таки взрывается он. — Ее муж находится внизу!

Артур смотрит на брата взглядом, от которого у меня на спине каждый волосок встает дыбом, но вот Игнат не выглядит испуганным. Ни один мускул на его лице не дёргается, встречаясь с разъярёнными глазами Артура.

— А ты чем думала?!

Это уже адресовано мне, но я не обладаю такой же выдержкой как у Игната, поэтому опускаю глаза в пол, покрываясь мелкой дрожью. Артур делает шаги в мою сторону, от него так и прет злостью и негодованием. Игнат не дает своему брату подойти. Он берет меня за руку и прячет за себя.

— Будешь защищать ее от меня? Ты серьезно? — злость вперемешку с удивлением слышаться в голосе Артура.

— Хватит.

Тон Игната спокойный и уверенный. Я смотрю на наши руки, все еще не найдя в себе силы выйти из оцепенения. Поднимаю взгляд, наблюдая за Артуром поверх плеча Игната. Между братьями как всегда происходит диалог глазами, где они понимают друг друга, не используя слова.

— Марк, напиши отцу, я телефон в кабинете оставил. — резко просит Артур, отступая в сторону.

— Сказать, чтобы задержал рогоносца подольше? — без тени улыбки произносит Марк, доставая телефон из кармана брюк.

Чувствую, как щеки заливаются краской. Отбрасываю от себя руку Игната, хаотично соображая, что вообще мне делать дальше.

Артур подходит к кровати и достаёт из тумбочки зеркало, которое тут же отдает мне.

— Надеюсь у тебя есть хоть что-то, чтобы исправить твой внешний вид.

Забираю зеркало дрожащими пальцами, пока Зотовы, как ни в чем не бывало, расходятся по комнате. Марк прямо в обуви плюхается на кровать, закидывая одну руку за голову, а другой печатая что-то в телефоне. Игнат и Артур вместе подходят к балконной двери, их движения синхронны и оба выглядят как один человек в этот момент.

Ищу сумочку, которая была у меня, когда я заходила сюда, нахожу ее на полу. Похоже она упала, когда я отступала от Игната. В голове кубарем сменяются эмоции одна за одной. Смотрю на свое отражение в зеркале, с облегчением понимая, что кроме покрасневших губ ничего больше не выдает следы моего преступления. Наношу блеск, стараясь не вспоминать поцелуи, из-за которых внизу живота все еще приятно покалывает.

«Уже второй раз Артур стал свидетелем нашего с Игнатом поцелуя? Что он предпримет сейчас? Снова запретит мне

подходить к своему брату? Игнат не позволит...»

От таких мыслей мне хочется придушить саму себя. Как я могу думать об этом в такой момент?!

Приглаживаю платье, немного помятое после всего случившегося.

— Отпариватель принести? — смеётся Марк.

Закатываю глаза, неспособная на другую реакцию.

— Я должна уйти.

Мой голос привлекает внимание братьев, и сразу три пары глаз смотрят на меня.

— Ты уйдешь отсюда не раньше, чем я получу ответы на свои вопросы. — ледяным тоном произносит Артур.

Я замираю по середины комнаты, разглядывая каждого парня по очереди.

Этого стоило ожидать, но сама ситуация понятней не становится. Что я могу ему сказать, если главным ответом на все его вопросы является он сам?

— Раз ты молчишь, то я начну... — произносит Артур голосом леденя айсберга.

— Повежливей.

Игнат сверлит его взглядом.

Марк издаёт смешок, довольно потирая ладони, и устраивается на кровати поудобнее, готовясь к шоу.

Артур игнорирует предупреждение брата, однако следующие его слова звучат более мягко:

— Что значит: «Я сделала то, что вы с Никой просили»?

Выгибаю бровь, не веря, что это действительно то, что его волнует.

«Может правда амнезия? Или это какой-то извращенный способ раскрытия правды? Может он хочет, чтобы я все рассказала сама?»

— Ты издеваешься? — спрашиваю намного громче, чем следовало, не совладав с эмоциями.

Артур подходит ближе, чем заставляет Игната напрячься, а Марка присесть на кровати. Зотов смотрит на меня тяжёлым взглядом и проводит рукой по рту, наверное, чтобы не наговорить мне гадостей.

— Нет, Вика. Я просто искренне не понимаю, как человек, которого я на протяжении стольких лет считал членом своей семьи, мог легко отказаться от нас. Уж, извини, но я не верю твоей маме, которая так отчаянно пытается убедить нас, что ты всецело посвятила себя се

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.